

18+

АСЯ БРИЗ

КАЯ.
ЗОВ ПУСТОШИ

Ася Бриз
Кая. Зов Пустоши

«Издательские решения»

Бриз А.

Кая. Зов Пустоши / А. Бриз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988022-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Суровый север с такими же суровыми людьми. Эта земля полна опасностей и невиданных тварей, лезущих из раскинувшейся рядом Пустоши. И даже если ты дочь князя, тебе не избежать ежедневной муштры на плацу и в классной комнате. Но что, если вековые устои не верны? И княжна откроет в себе то, что позволит взглянуть на мир шире привычных рамок. Сложный лабиринт политических интриг уже распахнул двери, и могущественный Тень Императора обратил своё внимание. Но куда же так настойчиво влечет Зов Пустоши?..

ISBN 978-5-44-988022-2

© Бриз А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кая. Зов Пустоши

Ася Бриз

Иллюстратор Сона Торозян

© Ася Бриз, 2020

© Сона Торозян, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-8022-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Это, Кая, сумеречный волк, – тихо произнес отец, устало садясь прямо в снег.

– Почему сумеречный? – спросила я, удивленно наблюдая за маленьким волчонком. Он, жалобно скуля, тыкался мордочкой в тело огромной волчицы. Белоснежная шерсть зверя сливалась с ледяным покровом, и невнимательный взор мог бы легко проскользнуть мимо. Если бы тело успел присыпать снег, мы бы ничего не заметили и наверняка прошли не останавливаясь, и вполне возможно, история нашей Империи выбрала бы для себя совсем иной путь. Но Пресветлая Богиня в обществе жуткого Хелла и в компании Древних Богов, имена которых давно потеряны, а потому люди их зовут Безликие, или Неназванные. Все они уже вкусили сомы, и кто-то из них дернул первую нить, игра началась.

Снег не успел припорошить жуткие рваные раны по всему телу волчицы. Отец, опытный следопыт, в пограничье Пустоши он замечает все, иногда мне кажется, что он не столько видит, сколько чувствует, что вот тут в привычной гармонии северной природы затесалось иное, чуждое, то, что пришло с Пустоши. Вот почему он вдруг свернул с намеченного маршрута? Ветка, дескать, упала на наши следы, по которым мы возвращались обратно. Казалось бы, ну упала ветка, может, от мороза этого лютого обломилась. Но отец остановился, всмотрелся в кроны деревьев, сам себе кивнул и свернул направо, углубляясь в чащу.

Я замерзла и кроме обледеневших ветвей, от которых нужно было постоянно уклоняться, не видела ничего. «Усталость плюс сумерки равно невнимательность, а она в пограничье – это широкий шаг к смерти», – так говорит мой наставник Дрейк. Я его слова прекрасно помню, но клинок, перекинутый для удобства за спину, оттягивает плечи, ноги устали и единственное о чем получается думать – это сколько километров осталось до крепости. Лично я прошла мимо, пока не увидела странно взрыхленный снег. Оглянулась на замершего возле дерева отца, сердце пропустило такт, он нашел тело порождения Пустоши.

Волчица была мертва, снежинки еще таяли, падая на морду. А вот тварь, ее убившая, – нет. И от осознания этого едкий страх сковывал тело. Хотелось немедля ни секунды бежать, бежать, туда, где трещат каминны, согревая дома от вечного холода, туда, где высокие стены, за которые не проберется ни одна тварь.

Отец сел, стал неспешно набивать трубку, на волчицу он смотрел с грустью. Я глубоко вздохнула, стараясь успокоиться, но вместо этого обожгла носоглотку холодом и зябко поежилась.

– Сумеречные они, Кая, потому что, дожив до двух лет, перестраивают свой организм. Не спрашивай как, никто этого не знает, это же дети Пустоши.

Отец затаился, облачко сизого дыма зависло в морозном воздухе. Я поморщилась, здесь в лесу и без того едкий запах дурман-травы ощущался острее. Курить ее было запрещено, за это могли и в темницу упечь, но отец плевал на запреты Империи и периодически курил. Он говорил мне, что она позволяет сконцентрироваться на решении проблемы, упорядочивает мысли. Сизоватый дым быстро таял в морозном воздухе.

– Они меняют свой организм. Вот стоит огромный волк, раз, – отец прищелкнул пальцами, – и его нет, только лишь сумеречный туман стелется над землей. Быстро так стелется, почти и не различишь, а потом хоп, – он хлопнул ладонью по колену, из-за чего со штанины осыпался заиндеветый снег, а волчонок, прекратив скулить, испуганно ощерился. – И перед тобой из ниоткуда вновь появляется волк. Их еще иногда называют бессмертными духами, убить такого, говорят, невозможно, – он замолчали и вновь глубоко затаился.

Я перевела взгляд на мертвую волчицу, снежинки больше не таяли, тело на таком морозе остывало быстро. Получается, мы пришли сразу после убийства? Но что может уничтожить почти неуязвимое существо? Деревья скрипели от мороза, то и дело с веток осыпался снег, лес

полнился звуками. Я затаив дыхание прислушивалась, сердце стучало оглушительно. Оно ведь где-то рядом? Волчонку тоже было страшно, а еще, наверно, голодно, он зарылся носом под мамин живот, дрожа всем телом.

– Отец, – позвала я, но папа поднял руку, прося помолчать.

– Мне нужно подумать, Кая, – и дым дурман-травы окутал его фигуру.

Я аккуратно оглянулась по сторонам. Следы на снегу странные, словно взявшиеся из ниоткуда огромные следы волчицы, через несколько ее шагов появляется отпечаток лап волчонка. Потом волчица, видимо, остановилась, более вдавленный след. Дальше следы исчезают, чтобы появиться метрах в десяти, там где теперь лежит тело. Что происходило – не разобрать, снег будто взрыхленный. И ни одного намека на то другое существо, оно не оставило ни единого следочка. Страх снова стал дурманить разум. Я крепче сжала кулаки, отгоняя плохие мысли, и с удивлением заметила, что сама стою и трушусь как тот волчонок.

– Кая, – хриплым голосом позвал отец, он отложил в сторону курительную трубку и теперь рылся в заплечном мешке. Я подошла к нему, судорожно растирая замерзшие ноги. Нельзя больше стоять, пора двигаться.

– Говорят, молоко помогает от сглаза, – улыбнулся он, покачивая склянкой с белой жидкостью. Я только фыркнула на подобную глупость.

– Не фырчи, народная молва, может, в массе своей и глупа, но мифы и присказки не просто так сочинялись. Молоко отлично восстанавливает силы, и дыхание Пустоши из организма хорошо выводит.

– И зачем оно нам сейчас? – несколько угрюмо спросила я. День в зимнее время короткий, начинало темнеть, и вместе с сумерками приходил холод. Вот уже и папина борода покрылась инеем. Пора бы уже уходить.

Вместо ответа отец протянул мне нож:

– Сделай аккуратный разрез на своей ладони, так чтобы крови было много.

– Разрез? – мой голос дрогнул от испуга, но нож я взяла.

– Давай-давай не бойся, – подбодрил он, – поверь мне, если все получится, произойдет то, чего еще не было никогда, тебе понравится. Режь, Кая!

Я медлила, разрезать себе руку, это, знаете ли, нелегко, а потом, глубоко вздохнув, резко дернула ножом по руке и тихо сквозь зубы застонала, алые капли закапали на снег.

– Молодец, дочка. Теперь возьми склянку, подойди к волчонку и вылей себе на рану молока, пускай слижет.

Я молча забрала емкость и, трясаясь от холода, боли и усталости, подошла к мертвой волчице. Волчонок вылез из-под бока матери и оскалил острые, будто иголки, клыки.

– Тихе, малыш, тихе, не сердись, на вот лучше молочка попей, – приговаривая это, я опустила на колени, зубами сорвала затычку, плеснула молока на рану. Руку защипало, постаралась не обращать на это внимания, протянула волчонку.

Тот замер, не сводя с меня пристального взгляда голубых глаз. Сам маленький, сантиметров пятнадцать в холке, белый и пушистый, будто только выпавший снег, а глаза как две льдинки. Красивый и дикий, тут же одернула себя, нечего сюсюкать над порождением Пустоши. Искося взглянула на отца, он ведь знает, что делает?

Волчонок потянул носом, фыркнул, плюхнулся на попу, тут же подскочил и почесал за ухом, вновь оскалился и опять повел носом.

Мало того что замерзла, так еще и рука онемела, но я продолжала сидеть и ждать.

Наконец любопытство или голод победило. Волчонок сделал шаг, затем еще, понюхал каплю крови на снегу, слизнул. Жалобно заскулив, подошел совсем близко, ткнувшись мокрым носом в руку.

– Кушай, маленький, кушай, – хотелось его погладить, но я боялась спугнуть. Медленно подлила молока.

Волчонок фыркнув облизал пальцы, затем, издав гортанный звук, уткнулся в мою подставленную лодочкой ладонь, жадно слизывая молоко и кровь. Я только и успевала подливать.

За спиной расхохотался отец, но я не отвлекалась, полностью сосредоточившись на этом малыше. Внезапно он стал таким родным и важным, захотелось его оберегать и воспитывать.

«Он же дитя Пустоши», – встрепенулось сознание. «И пусть, – встряхнула головой, – все мы так или иначе ее дети».

Молоко закончилось, ранка по-прежнему кровоточила, волчонок тщательно вылизывал ладонь.

– Бери его, и пойдем домой, – тяжелая рука отца легла на мое плечо. Волчонок тут же оскалился, я подхватила его на руки, прижала к себе.

– А как же тот зверь, убивший волчицу?

– Его кто-то спугнул, иначе не остался бы в живых ни щенок, ни мы. Не знаю, что это за новый подарок Пустоши, но нужно будет предупредить гарнизон, – отец подхватил арбалет и вскинул его на плечи. – А волчонок теперь твой, ты привязала его своей кровью, так что будешь воспитывать.

– Буду, – радостно кивнула я и поспешила за отцом. Уже и мороз, и страшная тварь не казались такими страшными, когда за пазухой возилось неожиданно родное существо.

Только засела мысль, кто же это мог спугнуть существо, которое убило практически неуязвимого волка.

Часть 1

Глава 1

– Пустошь раскинулась за горами, Легард! Порождения Пустоши бродят по этим самым горам, они доходят до наших домов!

– Ну, допустим, до домов они не доходят, – усмехнулся высокий статный мужчина, наливая себе вино.

Миловидная женщина, к которой возраст, казалось, боялся прикоснуться, сейчас была некрасива. Обычно аккуратно подведенные глаза лучились злостью, отчего в уголках глаз соби- рались морщинки. Пухлые чувственные губы были поджаты, и рот кривился в совершенно непривлекательной гримасе.

– Ты понял, о чем я, Легард! Сыны твоей родины гибнут на границах, сражаясь с тварями Пустоши. А ты берешь и приводишь эту тварь в наш дом!

Вышеупомянутый Легард, он же мой отец, вольготно откинулся в кресло, вытянул устав- шие ноги и сквозь бокал рассматривал беснующуюся женщину. Он подозревал, что причина ее гнева вовсе не в волчонке, а в той, что спокойно гладила щенка, сидя в углу кабинета. И дверь этой закрытой для всех комнаты для его дочери была открыта всегда. Что не скажешь о сыне. Оттого и бесится женщина, вот уже семнадцать лет как бесится. Но что тут сдела- ешь, не занял единственный наследник надлежащего места в сердце, и тому есть много при- чин. Мужчина хмыкнул: зато занял нужное место на бумагах, где этому наследнику отводится, пожалуй, слишком много прав.

– Аниса, оставь этот высокопарный слог. Ты же видишь, я устал.

Женщина замерла, сильнее поджав губы, так что они казались тонкой нитью, прихотливо перечеркнувшей лицо. Легард покачал головой – совершенно не умеет контролировать эмо- ции. Быть может, в этом и залог их семейной жизни, он умеет читать ее как раскрытую книгу и всегда знает, когда она может уколоть в спину. Ударить духу не хватит, а так, доставить мел- кие неприятности не слишком внимательному супругу – да.

– Эта тварь не будет жить в нашем доме!

– Эта тварь уже живет в нашем доме, – он встал из-за стола и подошел к жене. – Аниса, дорогая, день был тяжелым, нам всем пора отдыхать.

На мгновение он подумал, что жена поднимет на него руку, но нет, резко развернулась и вылетела из кабинета. Двери уже привычно закрылись с грохотом.

Я сладко потянулась, опустив волчонка на пол.

Отец снова сел за стол, наблюдая, как щенок обнюхивает кабинет.

– Ему нужно дать имя.

Я кивнула:

– Немного подумаю и назову.

Он тяжело вздохнул, прикрывая глаза:

– Корми его только сама и едь тоже пробуй сама, по первому времени добавляй свою кровь, чтобы привязка устоялась, – он отпил из бокала. – Сейчас позови служанку, пусть при- несут тебе горячего красного вина – и от болезни хорошо, и дыхание Пустоши выводить.

Я снова коротко кивнула:

– Раньше ты не говорил мне про вино.

– Раньше ты не приручала создания Пустоши, – отец тепло улыбнулся. – Иди отдыхать, дорогая, сегодня мы хорошо потрудились, теперь о твоей безопасности я буду переживать зна- чительно меньше.

Я легко подскочила, подхватив волчанка, и мысленно удивилась, особой усталости в теле нет. Странно, день и правда был утомительным.

Отец окликнул меня в дверях.

– Мне сейчас нужно будет уехать, вернусь завтра днем. Будь внимательна.

– Можешь считать меня воплощением осторожности, – подмигнула я и аккуратно прикрыла за собой дверь. Несколько раз моргнула, после светлого кабинета полумрак коридора был особенно темен. Волчонок на руках уютно завозился.

Мои покои располагались недалеко от отцовского кабинета. Обычно днем в этом крыле крепости много народа, кто с донесениями, кто с рапортами и просьбами, секретари носятся. Но с наступлением ночи все резко менялось, ни один празднично шатающийся аристократ сюда не забредал. И сейчас я этому радовалась как никогда. Усталость особо не чувствовалась, но вот в голове мерзко звенело. Пожалуй, и правда стоит выпить вина, близость Пустоши странно на меня влияла, она одновременно и бодрила, и опустошала, оправдывая свое название. А еще навевала меланхолию, после таких вылазок в пограничье я все время размышляю о том, что нормальная аристократка семнадцати лет должна несколько иначе проводить свое время, не говоря уже о княжне.

Слуга менял светильник, при виде меня он вздрогнул и отвернулся, тень качнулась, упав размазанным черным пятном на стену. По телу прошла нервная дрожь, отзываясь тупой пульсирующей болью в висках. Я сбавила шаг, внезапно накатила волна страха, как там, в лесу возле тела волчицы. Эхо моих шагов наложилось на пульсирующий шум крови в голове и еще эти тени. Мягкий свет свечей отбрасывал паутину теней. Темный узор лег на картину «Светлое утро зимы». Я замерла, ясный, залитый солнцем снежный день с резвящимися детьми и румяной нянечкой теперь напоминал приготовившихся к пиршеству тварей, что засели темными комками в светлых сугробах. Щенок сладко зевнул, и я уже машинально погладила по мягкой шерстке.

Что-то изменилось. Тянущее, сосущее чувство тревоги, заставило с подозрением оглядывать привычное с детства пространство. Жесткий каблук походных сапог слишком громко отбивает шаг, звук отражается от стен и эхом несется следом, будто некто незримый прошел с нами от границ Пустоши. Я вздрогнула от этой мысли и оглянулась, никого, привычный родной замок. Сердце стучало все быстрее. Что-то изменилось – практически как заклинание повторила мысль. Подойдя к двери своих покоев, остановилась, эхо улетучилось. Поймала несколько озадаченный взгляд стражника, но не обратила на него внимания. Странное чувство не отпускало, будто ЧТО-ТО уже произошло. Кисло-сладкий привкус ощущался во рту, горько соленым чадили свечи, желудок сжался, я поморщилась – пахло переменаами.

Глава 2

– Кая, не зевай! Ты пропустила удар, будь собраннее!

Я перевела дух и подхватила клинок, вновь становясь в изготовительную позицию.

Дрейк смерил меня скептическим взглядом, сделал практически неуловимое движение и понеслось, удар еще удар, блок, блок, шаг назад, разворот и снова удар. Холодная сталь плашмя ударила по кисти, выбивая клинок. Я зашипела, прижимая к себе поврежденную руку. В глазах защипало, заморгала чаще, сдерживая слезы. Одна минута! Это мой максимум сегодня. Хмуро подобрала оружие, рука отозвалась болью. Нельзя сказать, что в обычное время я долго выдерживаю спарринг с Дрейком, но все же не минута!

Клинок сейчас ощущался чересчур тяжелым, рука ныла. Я снова встала в стойку, мысленно отметив, что пора бы уже учиться левой рукой владеть. Мой тренер, он же начальник гарнизона – Дрейк, терпеливо дождался, пока я подготовлюсь к следующему спаррингу, и с непроницаемым лицом повторил в точности последний выпад. Я неловко отшатнулась в сторону, не помогло. Сталь ударила по руке, вновь выбивая клинок. Дурацкий крик вырвался произвольно, рука покраснела, медленно наливаясь синевой.

Один из лучших мечников княжества подобрал мое оружие. Зимнее солнце заиграло бликами на его седых волосах. Бережно, словно ребенка, он зачехлил клинок. Движения собранные, лаконичные, четкие. Никто в нашей крепости в здравом уме не назвал бы его стариком. Хотя лицо его испещряли морщины вместе со шрамами, волосы были седые столько, сколько я себя помню. А еще старая кухарка любит рассказывать байку о последнем прорыве тварей и о том, как совсем еще юный четырнадцатилетний Дрейк остановил Лесного Тролля, благодаря чему гарнизон смог отбросить отродья обратно за границу Пустоши. И несмотря на то, что никаких лесных троллей в классификации тварей Пустоши нет, а последний прорыв был более двухсот лет назад, история мне все равно нравилась. Она позволяла фантазировать, сколько же на самом деле лет моему учителю.

– Иногда проще признать, что ты не в состоянии продолжить тренировку, чем показательно мучиться и геройствовать.

Мужчина убрал и свое оружие, говорил он тихо, но веско.

– Ты не на поле боя, и очень надеюсь, никогда там не окажешься. Мне сложно понять решение князя – учить тебя мечному искусству, – он легко пожал плечами, – но не моего ума решения князя понимать, мне приказано я выполняю.

Дрейк отложил в сторону клинки и развернулся ко мне всем корпусом, переплетя руки на груди. Захотелось невольно сглотнуть и сделать шаг назад.

– Но приказы я привык исполнять хорошо.

Он сделал паузу, отстраненно взглянул на полосу препятствий. Я мысленно подобралась. Первое чему выучивается младенец, собака, солдат – это считывать эмоции родителя, хозяйина, командира. И я уже видела это раздраженное дрожание мускулов на лице Дрейка. Ничего хорошего эта пауза в тренировке мне не сулила.

– А потому, княжна, – продолжил он, – я надеюсь, у вас найдется весомая причина объяснить князю, где вас твари Пустоши носили всю ночь! И почему вы настолько уставшая, что не в состоянии клинок в руках удержать.

Я отвела взгляд, хотелось топнуть ногой, крикнуть «ты ничего не понимаешь» и убежать.

Причина-то у меня как раз была весомая. Но Дрейку это знать ни к чему.

Тонкий скулеж ворвался в моё сновидение, я нехотя открыла глаза. Мягкий, бледный свет луны заливал прикроватную тумбу. Около двух часов ночи – отчаянно зевая, сообразила я. Волчонок крутился юлой на кровати и пытался сделать под меня подкоп.

– Ну и чего скулим? – подхватила белый комок под мягкий животик и аккуратно опустила на пол. Волчонок негодуяще подпрыгнул, я почесала его за ухом, зевнула и вновь легла в кровать, уютно укутавшись одеялом. Засыпала я мгновенно. Обычно засыпала мгновенно. Сначала он схватил простынь и, утробно порыкивая, потянул, упираясь всеми лапами. Я тихонько хихикнула. Потом волчонок сообразил, что простынь – это мало эффективно, и допрыгнул к свисающему краю одеяла. Мой кокон медленно разматывался, одеяло уползло к упорному животному. Я немного повозилась с ним, играя. Потом показательно сдалась и села на кровати:

– И что ты хочешь?

Щенок смешно дернул ухом на звук голоса, плюхнулся на попу, тут же подскочил, вильнул хвостом и подбежал к двери. Я с сомнением покосилась в окно, там было холодно и ночь. А мне еще, как обычно, рано вставать.

– То, что ночь на дворе, тебя не смущает? Щенок поскреб в дверь, как бы отвечая, что нет, не смущает. Тяжело вздохнув, встала, накинула поверх ночного платья полушубок, обула на босу ногу сапоги и распахнула дверь. Белый комок радостно выкатился в коридор, по ногам тут же повеяло сквозняком. Стражника возле двери не было. Где-то вдалеке хлопнуло окно, я вздрогнула. Волчонок шустро бежал вперед, мне пришлось поспешить за ним.

Вполне возможно, у него сейчас смена караула. Мысль была нелепой. Мои покои всегда охраняют. С другой стороны, я ночью охрану практически никогда и не проверяла. В крепости ничего опасного не происходит. Может быть, это просто халатность? Или скрутило живот, приспичило в туалет. Или еще что. Я крутила мысль о стражнике всю дорогу, пока мы не вышли во двор. Холодный порыв ветра тут же пробрался под одежду, я снова вздрогнула, теперь уже от холода.

Волчонок носился вокруг, как радостный совершенно обычный щенок, обнюхивал редкие кусты, углы пристроек. Луна освещала двор, и я не опасалась наткнуться на что-либо в темноте. Поздоровалась с часовым. Тот посмотрел на меня удивленно, но к тому, что княжна воспитывается не совсем как обычные юные аристократки, привыкли уже все обитатели крепости. А потому моя ночная прогулка не вызвала ни паники, ни лишних вопросов. Часовой приветливо махнул рукой:

– Не простудитесь, княжна.

– Если зверь отпустит сны досмотреть – улыбнулась я. И мы вместе проследили за резвящимся щенком. Но если я с умилением, то часовой нервно содрогнулся и отвел взгляд, переплетя руки на груди, наверно, в последний момент удержавшись от охранного знака. Я понимающе хмыкнула, странно было бы, если солдаты реагировали иначе, в конце концов, они всю жизнь учатся сражаться с порождениями Пустоши. А тут не просто тварь, а сумеречный волк, пусть и щенок.

– Доверяю свой покой, – выдохнула я ритуальную фразу, прощаясь.

– Смотрю в темноту, – вытягиваясь по стойке смирно, отозвался часовой.

Еще немного покружив по территории крепости, нервируя часовых, я все же уговорила ночное создание вернуться домой.

Мысль о том, куда подевался стражник, не давала мне покоя. Поэтому возвращалась я максимально тихо. Кроме шелеста моих шагов слышались только приглушенные звуки ночной крепости.

Стражник стоял на своем месте, странно привалившись к двери, глаза его были прикрыты, а руки на груди он держал в защитном жесте. Я настороженно замерла, разглядывая его: что-то явно было не так. Тихонько вышла из-за угла и, стараясь двигаться максимально бесшумно, подошла ближе. Он открыл глаза, когда я уже была в двух шагах.

Стражник сдавленно вскрикнул, неестественно выпучил глаза, судорожно схватил клинок, а второй рукой, мелко дрожащей, осенил себя защитным знаком. Из-за моей ноги высунулась любопытная мордочка волчонка. Стражник побледнел, я невольно вспомнила, каким

путем можно максимально быстро добраться к покоям лекаря. Я кашлянула, звук эхом отразился от стен, у мужчины дернулся глаз и задрожали уголки губ, будто он пытается улыбнуться, но в тоже время сдерживает улыбку. Это был нервный тик. Рука, сжимавшая клинок, тоже дрожала, но оружие держал так крепко, что еще чуть-чуть и сухожилия лопнут от напряжения.

– Что случилось? – мой голос прозвучал хрипло.

Он дернулся, как от пощечины, судорожно задышал, сильно раздувая ноздри, затем тонко всхлипнул и, откинув в сторону клинок, повалился на колени, обнимая себя руками и раскачиваясь, безумно таращась в темноту. Я почувствовала, как у меня дыбом встают волосы. Тоже захотелось оглянуться в темноту, в первозданном страхе различить мутную фигуру. Еле сдержалась. Волчонок тем временем, проявляя чудеса настойчивости, смог толкнуть дверь в мои покои и вбежал в гостиную. Через секунду раздался громкий и жалобный вой. У стражника в углу губ появились белые пузыри пены, он захрипел. Я нервно выдохнула, сбрасывая оцепенение, обогнула мужчину по широкой дуге и вбежала в свои покои. Белый комочек, жалобно скулил на одной высокой ноте, звук ввинчивался в мозг, волчонок ползал на брюхе рядом с дверью в спальню. Практически мгновенно пересекла гостиную, легко подхватила малыша. Тот грозно оскалится, демонстрирую тонкие и острые как иглы клыки, вой перешел в утробный рык. Под ногами хрустнуло, волк взвыл сильнее, извиваясь всем телом, пытаюсь вырваться. Я одной рукой прижала его покрепче к себе так, чтобы не укусил, и подняла с пола сухое соцветие. Волк клацнул зубами. Соцветие источало едва уловимый сладкий запах.

– И у кого же из нас двоих появился поклонник? – щенок в ответ попытался тяпнуть меня за палец, щелкнула его по носу и покрутила в руках букетик. Поклонников-то у меня нет и не было никогда, а значит... А значило это только то, что от этой дряни у меня под дверью погибает стражник. Или не от этой. Быстро сунула соцветие в книгу и выскочила в коридор. Стражник лежал на боку, его било в конвульсиях, изо рта шла пена. Я склонилась к нему, в нос ударил мерзостно-сладкий дурманящий запах.

Хелл задери! Подскочила и максимально быстро помчалась по коридору, этот запах я узнаю из миллионов. Проклятая алхимическая дурман-трава!

Мои покои находились в левом крыле княжеского этажа, там же где и библиотека, и кабинет отца, и лаборатории, и несколько нежилых гостевых комнат. Сейчас здесь жила только я, а потому ни одного стражника на своем пути я не встретила. Вся княжеская семья и некоторые фрейлины Анисии обитали в правом крыле, откуда я предпочла ретироваться, близкое соседство с Княгиней угнетало. Собственно, там же жил и семейный врач, и к нему сейчас было ближе, но я свернула на лестницу и побежала вниз. Слишком все мутно, пока отца нет, не стоит поднимать панику в правом крыле.

Я затарабанила в дверь. Не прошло и трех минут, как она распахнулась, и в полумрак коридора вышел Тоби, высокий сухощавый мужчина с неизменными очками в толстой оправе на носу. Он уже был одет и с сумкой медикаментов наперевес. Вот что значит идеальная военная выправка, если отчаянно тарабанят среди ночи в дверь военного лекаря, значит, все серьезно.

– К моим покоям, максимально быстро, – не приветствуя, скомандовала я. – И это очень секретно, Тоби, прошу тебя.

Лекарь понятиливо кивнул:

– Как скажете, княжна, – и не задавая вопросов, побежал выполнять приказ. Я же помчалась дальше, в отсутствие отца я могла обратиться лишь к одному человеку.

Следующая дверь распахнулась не настолько быстро, но все равно оперативно.

– Княжна, – начальник тайной канцелярии произнес мой титул со смиренной обреченностью, попутно застегивая камзол. – И зачем я вам понадобился среди ночи?

– Что может быть лучше ночной прогулки? – ответила я вопросом на вопрос.

Мужчина хмыкнул, прикрыл за собой дверь и едва уловимо кивнул охраннику, который материализовался практически из пустоты.

– Где? – коротко спросил граф.

– Возле моих покоев.

Охранник без лишних приказов растворился в темноте.

– Пойдемте, – тяжело вздохнул граф. – А вообще, отвечая на ваш вопрос. Довольно много вещей, княжна, – он шагал куда быстрее меня, мне приходилось практически бежать. – Например, сон, поверьте, в этот час предаваться сну невероятно приятно.

Я скосила на него взгляд. Лучше всего к этому мужчине без возраста подошел бы эпитет безликий. Это так тривиально, начальник тайной охраны с совершенно незапоминающейся серой внешностью, средний рост, среднее телосложение, блеклые волосы, лицо, с которого будто соскальзывает взгляд, тонкая полоска губ и цепкие голубые глаза, которые, впрочем, в любой момент могут стать совершенно невыразительными. Тривиально, но работает в совершенстве. Спроси любую местную аристократку, кто такой граф Рихард, и она шепотом, с придыханием, чуть закатывая глаза, ответит, что это начальник тайной канцелярии северного княжества, неженатый, между прочим.

Но спроси ее же, что это за мужчина в простой одежде во-о-он там стоит. И она лишь равнодушно дернет красивым плечиком – простолюдин какой-то. Удивительная способность преображаться.

Мы свернули к моим покоям, в нос ударил кислый тошнотворный запах. Тугой комок желчи подкатил к горлу, я с отвращением скривилась, искренне пожалев, что у меня нет с собой надушенного платка. Тоби, крепко держа стражника за волосы, что-то ожесточенно втирал несчастному под нос, но тот лишь бессвязно мычал. Вокруг были лужи рвотных масс. Я содрогнулась, стараясь дышать ртом.

Белый невесомый платочек с изображенными на нем инициалами Р. Л., подчеркнутыми черной кривой молнией, знаком тайной канцелярии, протянул мне Рихард. Я поспешно прижала его к носу, вдыхая терпкий запах благовоний.

– Ко мне в лазарет его, скомандовал лекарь, отпуская голову стражника. – Только зафиксируйте на кровати, чтобы встать не мог.

Лекарь отер руки об одежду и подошел к нам.

– Сильное отравление алхимической дурман-травой, он принял ее в концентрированной дозе, – не дожидаясь вопроса, пояснил он. Тоби охлопал себя по карманам, привычным движением достал курительную трубку, покрутил в руках, взглянул на меня и со вздохом опустил ее снова в карман. Все в крепости знали, что я не переношу запах табака.

– Обычно зависимые втирают порошок себе в небо, – продолжил он, – но мне кажется, это не тот случай, я взял пробу, небо чистое, без привычного слизистого налета, свойственного зависимым. Простите, княжна, за подробности.

Я лишь рукой махнула, покрепче прижимая к себе платок.

– Хочешь сказать, его отравили? – спросил Рихард.

Тоби с сомнением покачал головой.

– Не могу пока точно сказать, – он сделал паузу, задумчиво на меня посматривая. – Но вот если порошок алхимического дурмана развести в воде, а затем вымочить продолжительное время в нем платочек, так чтобы ткань все впитала, а затем вот так же, как княжна прижимает его к носу, прижать к дыхательным путям жертвы и подержать подольше, возможно, будет похожая реакция.

Я от такого сравнения поспешно убрала надушенный платок. Тоби хмыкнул на мою реакцию и закончил.

– Но это неточно, мне нужно больше времени.

Рихард кивнул:

– Займись этим, пожалуйста.

Лекарь закатил глаза, увеличенные линзами очков, белки блеснули даже в полумраке, жест получился особенно выразительным.

– Пойду я выполнять, – и развернувшись, отправился в лазарет.

Рихард же прошелся мимо испражнений, присел в месте, где лежал стражник, осмотрел пол, косяк двери.

– Вы позволите? – он взялся за ручку двери в мои покои.

– Да, конечно, входите.

Мужчина вошел в гостиную, я следом, по-прежнему не решаясь опустить волчонка на пол.

Он прошелся по периметру, осматривая пространство. Я села в кресло, закинула ногу на ногу, обычно так сидеть не принято, но в этой позе я чувствовала себе увереннее. Волчонка усадила рядом, придерживая, чтобы не соскочил. Нужно рассказать о подкинутом растении, но я боялась. Слишком странно реагировал и вел себя щенок, вдруг они решат, что он опасен для меня, и попытаются забрать. Мысль была нелепой, но дыхание замирало только от одного предположения, что я могу разлучиться с ним. Обратила внимание, что нервно качаю ногой, тело всегда выдает, пришлось сделать усилие, заставляя себя сидеть спокойнее.

Рихард присел у двери в спальню и подобрал с пола несколько сухих листочков, покрутил их в руках, затем на раскрытой ладони продемонстрировал издали мне.

– Очень сомневаюсь, что в ваших покоях слуги пренебрегают уборкой.

Я в ответ промолчала, но, видимо, определенная эмоция на лице отразилась, он вздохнул и подошел ко мне, почтительно замерев в двух шагах.

– Я понимаю ваши эмоции. Князя сейчас нет и формально власть в крепости принадлежит княгине Анисии, а с учетом того что происходящие странности, наверняка связаны с вами, я понимаю ваше недоверие. Но во-первых, сейчас глубокая ночь, и тревожить Княгиню я бы не стал, а во-вторых, как глава тайной канцелярии я имею полное право не отчитываться о делах, которые веду, ни перед кем кроме князя. И вы это знаете, – последние слова он произнес с особым нажимом.

Я окинула его взглядом, руки не перекрещивает, возвышаться надо мной ему сейчас не комфортно, тело чуть подает вперед и крутит эти треклятые листья в руках. Волчонок нехорошо так, напряженно замер рядом. Взвесив за и против, все же сдалась.

– Третья полка, ближайшая к двери книга, – сказала ровно, но пальцы переплела в попытке не выдавать, что нервничаю.

Мужчина достал сухое соцветие из книги и было сделал шаг ко мне, но я предупреждающе вскинула руку.

– Не подходите, мой волк нервно реагирует на это растение. Рихард лишь удивленно вскинул брови, но сел в отдалении.

Я по порядку и в мельчайших подробностях рассказала ему все с момента пробуждения и до того, как постучала к нему в двери. Когда я закончила, он поднялся.

– Благодарю за доверие, можете не переживать, мы разберемся с этой ситуацией.

Я позволила себе недоверчиво поджать губы. Разобраться-то они, конечно, разберутся, но вот полную информацию мне вряд ли кто-то сообщит.

– А сейчас, позвольте, я проведу вас в одну из гостевых комнат, – продолжил Рихард, – служанки уже подготовили. В ваших покоях должны поработать мои люди.

Нечто подобное я ожидала, а потому спокойно проследовала за начальником тайной канцелярии. Зловонные лужи за время нашего разговора уже убрали, возле двери стоял новый стражник. Людей Рихарда видно не было, но на то она и тайная канцелярия – особые люди. Граф, проводив меня в покои и пожелав спокойного остатка ночи, удалился.

Я нервно прошлась по просторной гостиной, размерами едва ли уступающей моей. Зашла в спальню, осмотрела широкую приготовленную ко сну кровать и вышла. Слишком сильные эмоции, слишком много мыслей, чтобы я могла сейчас уснуть.

– Что может быть лучше ночной прогулки? – второй раз за эту ночь повторила я, на этот раз вопрошая висящий на стене гобелен. Благочестивая Иона, скромно потупившись, занималась пряжей. – Только ночное посещение библиотеки, – ответила я сама себе, круто развернулась, вновь подхватила волка и направилась в обитель знаний.

– Жгуты цвет, ярко-красные цветок с навязчивым запахом, произрастает на юге Капаларских гор, является исключительно редким растением, в лекарственных снадобьях не используется. Одно из неизученных свойств – способен вызывать частичное помутнение разума у относительно разумной нечисти. Попросту говоря, повышает агрессию, – с чувством продекламировала я и откинулась на спинку стула, растирая затекшую шею. – Капаларских гор, – повторила название вслух. Пограничье с равнинным княжеством, не самый близкий путь.

Волчонок, развалившись на одном из талмудов, благополучно спал. Я нервно крутила карандаш в руке, задумчиво рассматривая своего любимца. По сути-то сумеречные волки как раз и относятся к разумной нечисти. Хотя доподлинно этого никто не знает. Вся информация о них, – это короткие истории пограничников да немного того, что рассказали Храмовники.

Я закрыла справочник, пожалуй, больше сегодня не могу. И так, два часа непрерывных поисков. В библиотеке было прохладно, и я зябко поёжилась. Нужно хоть немного отдохнуть. Идти обратно в гостевые покои – лень. Поэтому я закрыла дверь в библиотеку изнутри, взяла один из пледов, предусмотрительно оставленных прислугой, знают, что я провожу тут много времени, и устроилась на диванчике. Уснуть сразу, естественно, не получилось. Мысли множились и требовали разложить их по местам. Интересно, кому мне нужно сказать спасибо за такое экстренное ночное самообразование в мире ботаники? Первые подозрения падали на Анисию, ведь только она восприняла в штыки появление волчонка. Да и, в принципе, только с женой отца у меня были сложные отношения.

Ведь хитро-то придумано, подбросить мне под дверь цветочки, щенок всю ночь вдыхал бы их аромат, и к утру – ву-а-ля, надышавшись этой дрянью, у меня был бы весьма агрессивно настроенный волк. Что случилось бы потом, даже представлять не хочу. Я покосилась на волчонка, тот все так же спал на раскрытой книге.

Но вариант с Анисией это как-то совсем просто. Слишком все непонятно вышло со стражником. Неужели она бы стала травить собственного человека. Она ведь, в конце концов, Княгиня.

А еще меня интересовал другой вопрос – то, что мой волчонок попросился гулять среди ночи. Что это? Предчувствие опасности или невероятная случайность?

Потолок библиотеки был оббит деревянными брусками, естественные кольца дерева складывались в затейливый узор, я засыпала. На пограничье сознания и сна мелькнула мысль, что я ведь единственная, кто сможет дать ответы на подобные вопросы, мы ведь совсем ничего не знаем об этих созданиях Пустоши.

А в шесть утра был, как обычно, подъем. Я встала с диванчика в библиотеке просто чудовищным усилием, выдержав жесточайшую схватку сама с собой. Голову словно ватой набили, и больше всего хотелось сообщить всем, что я, в общем-то, княжна и имею полное право спать хоть до полудня. Я тяжело вздыхала, возвращаясь в свои покои, гневно сопела, натягивая тренировочный костюм, обреченно стояла у двери, мечтая плюнуть на тренировку. Но вколоченное в голову «должна» в очередной раз победило.

А потом были восемь кругов вокруг крепости и стандартная разминка, и вот еще этот позорный спарринг с Дрейком.

Дрейк смотрел на меня, в общем-то без укора, но с определенной долей разочарования. И это злило. Я не могла оправдаться: пока тайная канцелярия не поймет, что же произошло этой ночью, эта информация совершенно секретна.

– Ну что же, княжна, раз клинок вам сегодня не дается, значит, отработаете на полосе препятствий, – хмуро покачал седой головой наставник. – Круго-ом!

Я, стиснув зубы, выполнила команду. – К барьерам, бе-его-ом марш! – разнесся зычный окрик над совершенно сонным еще двором.

И я побежала. Вскочила на скользкое шатающееся бревно, балансируя, пробежала, перескочила на следующее – более маленькое подвешенное перпендикулярно, а за ним на следующее, хватаясь за цепи, на которых они были прикреплены.

– Быстрее! – хлестнул раздраженный окрик Дрейка, когда я замерла на последнем бревне. Я спрыгнула на мерзлую землю и поползла, стараясь не сбить хрупкие жердочки над собой. Вот в такие моменты меня преследуют мысль, что моя чрезмерная гордость до добра не доведет, ответила бы в нужное время согласиём, сидела бы сейчас как нормальная княжна, вышивала бы крестиком и учила этикет. И никакой дух Пустоши не крутился бы под ногами. Я содрогнулась от последней мысли, случайно сбив-таки жердочку практически на выходе, чем заслужила еще один недовольный окрик Дрейка. Впереди были брусья, я проворно подпрыгнула, цепляясь за перекладину, раскачала тело и перехватила следующую. Нет уж, лучше я по бревнам поскачу. За вышивкой еще пальцы можно исколоть, а руки у меня нежные, княжеские. На этой мысли нежные княжеские руки соскользнули с перекладины, и я чудом не пропахала носом подмерзшую грязь, успела сгруппироваться. Щенок радостным белым комком подпрыгивал рядом, норовя лизнуть в нос.

– Кая, Хелл тебя задери! Ты будешь, в конце концов, сегодня работать!

В ответ я просто вернулась на полосу препятствий. В конце концов, я сама выбрала этот путь.

Глава 3

В комнату я скорее ввалилась, чем вошла.

– Госпожа, – присела в реверансе моя камеристка. Я вяло махнула на нее рукой:

– Сейчас меня интересует только купальня. Ты подготовила воду?

Она резво подскочила, помогая мне стянуть с себя грязный тренировочный костюм.

– Конечно, госпожа, все как вы любите, горячая вода, мыльный раствор с запахом хвои.

– Пойдемте.

Горячая вода ласково окутала мои звенящие от усталости икры, от купальни поднимался пар, и воздух был пропитан запахом северных деревьев. Я блаженно вздохнула. Вот эти мгновения в своей княжеской жизни я любила больше всего. Когда после утомительной тренировки можно окунуться в теплую благодать купальни.

– Оставила завтрак на столике, – отозвалась от двери Дейра. Я спустилась еще на пару ступенек ниже, впитывая тепло бедрами.

– А еду для щенка оставила около него, – чуть замывшись, доложила она и вышла из купальни, вернее попыталась выйти, так как обнаженная, мокрая по пояс княжна, вихрем вылетевшая из купальни, оттолкнула ее в сторону. Девушка вскрикнула и, судя по грохоту, упала. Но мне было плевать. Я стремительно ворвалась в собственную гостиную, где любила завтракать. Хвала Богам! Успела. Щенок пока лишь подозрительно принохивался к предложенным ему яствам.

– Нельзя, – строго сказала, мягко отодвинула волка и подхватила миску. В гостиную вошла прихрамывающая Дейра.

– Такие странные желания в голову приходят после тренировок, – ласково улыбнулась женщине. Та насторожено замерла. – Как-то очень сильно захотелось попробовать мяско, что приготовили моему питомцу, – и я подняла из миски кусок мяса, намереваясь его откусить, служанка, испуганно вскрикнув, упала мне в ноги, причитая:

– Госпожа, не нужно!

Чудная, наверно, картина, стою я, мокрая и обнажённая, посреди своей гостиной с куском мяса в руках, а у меня в ногах сотрясается в рыданиях женщина. Омерзительно! Отшвырнула мясо вместе с миской так, что та, ударившись о пол, оглушительно задребезжала. Щенок взвыл, переминаясь с лапы на лапу, служанка вздрогнула, крепко обнимая мои ноги.

– Кто? – коротко и зло спросила я. Женщина затряслась еще сильнее, хотя куда уж больше. Поморщившись, освободилась от ее хватки, делая пару шагов в сторону. Служанка плакала и тряслась, теребя подол платья и не поднимая взгляд от пола. Нет, так продуктивной беседы у нас не выйдет. Присела рядом и жестко взяла за подбородок, заставляя поднять голову и смотреть в глаза:

– Дейра, я спрашиваю кто?

Женщина всхлипнула, отводя взгляд, я жёстче сдавила подбородок.

– Главный повар, – прохныкала она.

– Пова-ар-р, – задумчиво протянула, не ослабляя хватки.

– У него сына задрал сумеречный волк, – выдохнула служанка.

– А не тот ли это повар, которого Анисия выписала года три назад из столицы? – проникновенно спросила я.

Глаза девушки изумленно расширились, этих подробностей она, видимо, не знала. Еще бы, не так давно здесь. Я отпустила служанку, та вздрагивала, растирая челюсть. Подхватив щенка, зашагала из стороны в сторону. Дурочку явно развели на жалость. А повару приказали, причем как-то так с шантажом, чтобы он не доложил отцу. И что делать? Наказывать глупые орудия? Еще через пару десятков шагов решение пришло.

– У повара есть дети? – мой голос был резким. Дейра втянула голову в плечи.

– Пятилетняя дочка.

– Прекрасно! – я прищелкнула пальцами. – Подбери мясо и верни его обратно, передав повару, что через полчаса я хочу видеть его дочь у себя в гостиной вместе с порцией еды для моего питомца. И если он вздумает хитрить с ядами, казню обоим! Все поняла?

Женщина часто-часто закивала.

– Тогда пошла вон отсюда!

Дверь захлопнулась, я выдохнула. Кажется, справилась. В купальню больше не хотелось. Прижав к себе щенка, тихонько шепнула:

– Ты не бойся, прорвемся, – щенок лизнул меня в нос.

В кабинете пахло пряным запахом табака с едва уловимой примесью кислинки дурман-травы. Поморщилась, отгоняя от себя клуб дыма. После событий вчерашней ночи этот запах стойко ассоциировался с рвотными позывами. Жаль, что окна сейчас не откроешь, на улице пурга, а вытяжка камина не справляется с таким задымлением, когда князь в задумчивости.

– И что же, к тебе привели именно дочь повара? – отец сидел, откинувшись в глубоком удобном кресле, а перед ним на столе неопрятной грудой высились бесконечные стопки бумаг. Как истинный воин, он терпеть не мог заниматься бухгалтерией и сметами. Все эти прошения нагоняли на него тоску, а порою приводили в бешенство. Но как хороший правитель, он предпочитал перепроверять своих бухгалтеров, а некоторые прошения рассматривать лично. Во избежание недоразумений.

Я вздохнула и отставила кофейный напиток в сторону, слишком крепкий. В столице уже несколько лет аристократия сходит с ума поэтому экзотическому продукту. А в нашу глушь он только недавно попал. И то стараниями Анисии, которая закатывала истерики, что весь цивилизованный мир пьет кофей, а ее уже чуть ли не варваром считают, она дескать не может поддержать беседу на эту изысканную тему. Отец сдался под натиском, и теперь лучшие кофейные зерна с юга империи поставляются в нашу крепость. Правда, черный напиток куда больше понравился отцу, чем Анисии, но да не суть, мне эта модная горькая жижа так себе нравилась.

– Увы, они привели пятилетнюю дочь одной из новеньких служанок. Впрочем, я ожидала подобного. Поэтому, расспросив запуганного ребёнка, попросила отвести меня к дочке повара. Они же сверстницы, играют вместе.

Девочка, получив утешительный приз шоколадными конфетами, тихонько, играя со мной в игру, чтобы никто не увидел нас, отвела меня к подружке. И я, уже держа двух девочек за руки, пришла к повару.

Отец удовлетворенно кивнул:

– Заставила при поваре дегустировать еду для щенка?

– Да. Сказала, что обеих девочек теперь ежедневно жду с едой три раза в день в своих покоях. И если со щенком что-либо случится по его вине, или по его недосмотру, или от любого другого злоумышленника, то он знает, кто пострадает в первую очередь.

– Не наказала его?

Я пожала плечами:

– Он же не выполнил приказ Анисии, она его с лихвой накажет. Пусть лучше он ее ненавидит, чем меня.

– А служанку?

– Решила пока подождать, ожидание наказания выматывает сильнее, чем само наказание.

Легард, смачно причмокнув сигарой, выпустил кольцо дыма:

– Я доволен, так, глядишь, и во дворец нестрашно будет тебя отправить.

Я прищурилась:

– То есть то, что Анисия приказала повару подмешать в еду отраву, ты не отрицаешь.
Отец пожал плечами.

– Я не отрицаю, это вполне в ее стиле, но и не утверждаю, доказательств пока нет.

– То есть ты ее НЕ накажешь? – сделала ударение на частице НЕ, пытаясь интонацией показать меру своего недовольства.

– И лишить тебя такого чудесного учебного пространства? – он усмехнулся и наконец потушил сигару. – Конфликт, Кая, – это одна из основ развития чего-либо. Особенно личности, в особенности личности правителя. Либо тебя сожрут, либо ты станешь сильнее.

– А как же любовь к своему ребенку, его защита, попытка сохранения рода? – мой голос зазвенел от раздражения. Отец откинулся в кресле, переплел пальцы рук, не спуская с меня внимательного взгляда:

– Так я и выражаю к тебе свою любовь. Я учу тебя, делаю сильнее. Показываю, может, чересчур жестко, что ты можешь справиться с теми трудностями, которые, на первый взгляд, непреодолимы. Ты ведь родилась княжной, к тебе всегда будут более высокие требования, – он тепло улыбнулся, смягчая суровость слов.

Мне требовалось особое усилие, чтобы сдержать раздражение и не ответить что-то резкое.

– А как насчет ночного происшествия, это тоже учебное пособие было?

Отец посуровел.

– Я с этим разбираюсь, тайная канцелярия ведет расследование.

Я молча положила перед ним выписку из книги о жгутовом цвете.

– Это если вы вдруг еще не вышли на эту информацию.

Князь кивнул. Мы помолчали.

– Пока ничего непонятно, но ясно, что покушение, точнее, такое впечатление, что два разных: тот, кто подбросил тебе траву, – это один человек, а тот, кто отравил стражника, – второй. Пока еще мало данных.

– Анисия, конечно же, ни причем, – едко буркнула я.

В руках отца хрустнул карандаш.

– Я не разбрасываюсь беспочвенными обвинениями и тебе не советую.

Снова повисла пауза, я неуютно поерзала на стуле, с отцом мы сорились редко.

– Иди, льдинка, – вздохнул он, махнув рукой. Молча встала. – Обвинить – много ума не нужно, доказать вину – вот где сложность, – чуть усмехнулся Князь, уже взяв в руки новые бумаги и не глядя на меня. Я не стала отвечать, так же молча вышла из кабинета.

Ярость тугим комком свернулась внутри и требовала выхода. Идущая навстречу служанка шарахнулась в сторону, повернула обратно вышедшая из-за поворота придворная дама Анисии, отвел взгляд стражник.

Я сбавила шаг, очень жаль, что тренировка у меня не сейчас, может, хоть на энергии глухой ярости продержалась бы. То, что отец не намерен наказывать Анисию, было плохо, очень плохо. Нет доказательств ее вины! Да черта с два их нет! Кто, как не она, мог слить информацию. Покушение попытались осуществить в тот же вечер, как у меня появился сумеречный волк!

Она же, как шакал, почувствовав безнаказанность, совсем страх потеряет. Раздраженно толкнув дверь своих покоев, я замерла. Передо мной присели в изящных реверансах восемь девушек, а чуть в стороне испугано склонилась Дейра.

– Уже потеряла, – буркнула сама себе, вызвав любопытные взгляды юных аристократок. – Это еще что такое? – мой тон, наверно, мог бы заморозить и в жаркий полдень, хотя обращалась я исключительно к Дейре. Та дрожала как осиновый лист, чем вызывала еще более сильное раздражение.

– К-к-кня-ягиня-велел-л-л-а-а-а, – начала блеять служанка.

– Княгиня отобрала восемь девушек из самых влиятельных родов севера и предложила стать вашими фрейлинами. Вам уже семнадцать и не подобает столь знатной молодой особе находиться без сопровождения, – грациозно поднялась одна из девушек. Ее выющиеся каштановые волосы были убраны в аккуратную прическу по столичной моде, а в зеленых раскосых глазах читалась спокойная уверенность. И именно это помогло сдержать дикую вспышку гнева. Я выдохнула, резкие фразы, готовые сорваться с языка, так и остались невысказанными.

– Представьтесь, – коротко бросила, присаживаясь в кресло. Девушки остались стоять.

– Герцогиня Элизабет Санская, – склонила голову шатенка.

– Маркиза Дебора Данас, – в тон ей представилась миловидная блондинка. Корсет ее платья настолько туго перетянул талию девушки, что казалось, она может сломаться от любого толчка, да и дышала она поверхностно.

– Графиня Лейна Арас, – вздернула курносый носик девушка, отчего кучеряшки волос, хоть и поднятые в высокую прическу, взметнулись пружинками. Пухлые коралловые губки складывались в выверенную вежливую улыбку.

Естественно, я знала их всех, не так много аристократических родов в нашем княжестве. Выслушав ряд девичьих имен, милостиво разрешила им присесть. На фоне одетых по последней моде девушек я откровенно выглядела так себе, в простом ученическом платье свободного кроя и с самой обычной косой.

– Итак, у меня к вам первый вопрос, – девушки притихли. – Где мой преподаватель геральдики? Уже как полчаса назад у меня должен был начаться урок, – я переплела руки и выжидательно взглянула на Элизабет.

Та замялась, но ответила за всех:

– Княгиня на сегодня отменила занятия, чтобы вы могли познакомиться с нами.

Мокрый нос щенка ткнулся в руку, я ласково погладила белую шерстку, показалось, что она искрится под моими пальцами. Кто-то из девушек сдавленно охнул. Я проигнорировала, еще одну вспышку гнева удалось загасить, спасибо тебе, малыш, мысленно улыбнулась щенку.

Степенно кивнула:

– Впредь, миледи, я настоятельно рекомендую не отменять мои занятия. О том, что они должны идти, в первую очередь, распорядился сам князь, надеюсь, вы не будете идти против его воли? – девушки несмело улыбнулись, кивая.

– Знакомство провели, – я отбросила косу за спину. – Что следующее по плану?

– Думаю, вам стоит переодеться, – вновь подала голос Элизабет. Я смерила девушку взглядом, она была второй по статусу после меня не просто в этой комнате, но и в принципе в княжестве. И потому присутствие ее здесь было странным, герцогине не по статусу идти фрейлиной к княжне. К тому же мы с ней конкурентки, она тоже будет участвовать в королевском отборе через два с половиной года. Зачем она здесь? Присмотреться ко мне? Или, может быть, к моему брату? Вопрос.

Я хлопнула в ладоши, ослепительно улыбнувшись, Дейра в углу испуганно содрогнулась, она уже знала, что это не к добру.

– Какую прекрасную идею вы высказали, Элизабет! Переодеться. Ну, конечно же, нам всем нужно переодеться! – по лицу девушки пробежала тень:

– Всем? – уточнила она.

– Конечно, – очень ласково улыбнулась я. – Раз сегодня у меня выходной от занятий, это прекрасный повод проехать верхом!

Девушки дружно посмотрели в окно, там шатались кроны деревьев в саду и кружили белые хлопья, небо заволкли свинцовые тучи.

Элизабет передернула плечиками, остальные зябко поежились, несколько девушек смотрел на меня испуганно.

– Не думаю, что это хорошая идея, – довольно резко, но стараясь удержаться в рамках вежливости сказала герцогиня.

– Не думайте, – милостиво кивнула я. – Остальных через 20 минут жду во дворе рядом с конюшней. Кто не успеет, не в состоянии, не умеет держаться в седле, прошу следовать прямым маршрутом к княгине с докладом о том, что вы не в состоянии быть моими фрейлинами.

– Но, миледи! – вскинулась Элизабет.

– КНЯЖНА, – процедила практически по слогам, перебивая девушку. – Прошу, не забывайте о формальном обращении.

И пока шатенка слегка опешила, я еще раз улыбнулась несколько растерянным аристократам:

– Время пошло, – и тут же без перехода, – Дейра, приготовь мне костюм для верховой езды. – Служанка расторопно метнулась в сторону гардероба.

– Не прощаюсь, миледи, не забудьте про головные уборы, которые крепко держатся на голове, шляпки лучше оставить в своих покоях, я планирую прогуляться быстрыми аллюрами.

Глава 4

Идти на конфликт с юными аристократками – не лучшая идея. Возможно, не будь я в такой ярости, то построила бы диалог иначе. Я поплотнее затянула теплый жакет. В конце концов, я не святая. Зачем мне нужен хвост из изнеженных леди при моем специфичном воспитании?

Щенок носился по двору бесконечно счастливой белой молнией, он был в восторге от снежной кутерьмы, в отличие от пяти юных особ, которые стояли рядом и кутались в полушубки. Теплые шапочки надели все. Жаль. Тяжело вздохнула, искренне рассчитывала, что придет еще меньше.

По двору ходило слишком много слуг для такой погоды. Оно и понятно, не каждый день юные аристократки соблаговолят кататься верхом в метель. А двое стражников, вынужденные сопровождать наш курятник, явно сдерживали бранные слова.

Конники вывели лошадей, две из девушек поменялись в лице. Я мысленно усмехнулась, сказано же было – быстрые аллюры, а они не предполагают дамских седел.

– Извините, княжна, но что-то мне дурно стало на холоде, – пробормотала баронесса Изольда.

– Ох, ну что же вы так, скорее возвращайтесь в крепость и прикажите подать слугам теплый чай. Ваше здоровье важнее этих забав, – я заботливо поправила девушке шубку, и ласково улыбнулась. Та, содрогнулась, сделала реверанс и поспешила уйти.

– Надеюсь, мы не в игру на выбывание играем, княжна, – хмыкнула Элизабет и, отказавшись от помощи, взлетела в седло. Я невольно оценила мастерство.

Выходов из крепости было несколько. Аголец, крепость севера, – не типичный замок правителей. Он располагается на самом севере княжества, максимально близко к пограничным территориям Пустоши. Если случится прорыв, то крепость примет на себя первый удар. Многие считают, это безрассудством, а мы считаем своей силой и гордостью. Князя севера никогда не прячутся за спинами подданных. Возможно, именно эта политика подпитывает боевой дух наших воинов, и мы так успешно храним империю от тварей Пустоши. Так вот, выходов из крепости было три, один выводил к городу, раскинувшемуся у подножий холма, второй – к выходам на пограничье, а третий – к центральному тракту, который позволял выехать, не заезжая в город. Вот к этому выходу мы и подошли.

Белоснежный северный рысак, гордость нашего княжества, гарцевал подо мной, ему уже не терпелось туда, в снежную круговерть. Несколько поколений моих предков бились над созданием этой породы. Стремясь слить воедино скорость, выносливость, терпимость к перепаду температур, и чтобы еще и психика устойчивой была. Так и получились эти белоснежные красавцы, маркер породы. Притом что в стандарте белой масти не бывает, только серая или белоснежная у альбиносов. Вот через альбиносов коннозаводчики и работали, почему-то именно они хорошо себя чувствовали рядом с Пустошью.

Рядом так же изящно гарцевала герцогиня, я усмехнулась получившемуся каламбуру и поправила своего недовольного волка, он категорично не хотел сидеть у меня за пазухой.

От западных ворот шел прямой торговый тракт. В дальней своей части он упирался в границы При-Лесного княжества, попутно пересекая добрую треть земель нашего Северного. Сегодня я не намерена была совершать длинную прогулку, так, побегать, пожалуй, даже до первых сел не доедем. Утвердившись в этой мысли, оглянулась на свою свиту, все уверенно сидели в седлах, ну и отлично. Мне достаточно было едва тронуть бока лошади, и она с готовностью сорвалась в забег, сзади застучали копыта других всадников. Я склонилась к самой холке, прячась от секущих лицо снежинок и подгоняя лошадь. В этом белоснежном мареве, свисте ветра в ушах, быстро бьющемся сердце, в исчезающей с огромной скоростью дороге

в едином порыве безумной скачки совершенно растворились и злость с агрессией, и мои распри с Анисией, была только эта свобода и буйство энергии.

Оглянувшись назад, не увидела своих предполагаемых фрейлин. Нехорошо, с другой стороны, с ними же стражники. А вот рысак герцогини держался рядом. Усмехнулась и подстегнула коня, ветер засвистел в ушах сильнее.

Мы мчались сквозь зиму. И только когда конь задышал тяжело, став сбавлять скорость, я притормозила. Спустя пару минут рядом со мной осадил коня герцогиня, она тоже была верхом на белоснежном рысаке из конюшен моего отца. Хотя интереснее было бы, привези она лошадь из конюшен герцога. Род Санских также славится разведением лошадей. Санская верховая – одна из дорогих пород, знаменитая своим идеальным экстерьером, и ценится практически на уровне с нашими Северными рысаками. Мысленно отметила, что мне даже хочется еще покататься с герцогиней. Сейчас Элизабет была раскрасневшейся, с задорным блеском зеленых глаз, шапка съехала набок, каштановые локоны растрепались, и вот такой тяжело дышащей, но с искренней улыбкой на губах она была куда красивее, чем в вычурном платье. И что-то между нами изменилось, оглядев друг дружку, мы рассмеялись.

– Признаю, княжна, не такая уж и плохая идея, – улыбнулась девушка.

– Признаюсь, герцогиня, игра действительно на выбывание – вы победили. И нелёгкая доля моей фрейлины предполагает, что мы просто обязаны устроить такой же заезд, но теперь на Санских верховых.

Глаза Элизабет вспыхнули предвкушающим блеском. Она поправила шапочку:

– В таком случае, княжна, приглашаю вас в свой родовой замок, – и столько изящества было в ее простых жестах и повороте головы, что я невольно отметила, видимо, Санские лепили своих красивых лошадей с себя.

– С удовольствием приму ваше приглашение.

Мы шли неспешным шагом рядом и внутренне ожидали, что вот-вот раздастся топот копыт догнавшей нас группы. Но лес молчал. Мы вместе оглянулись назад, метель усилилась, и было практически ничего не видно уже в пяти шагах.

– Есть подозрение, что влетит и мне, и вам, – чуть пожившись, сказала я. Мы остановились. Герцогиня беспокойно стала оглядываться:

– А мне-то за что влетит, ваша же идея!

Странно, но наши спутники нас по-прежнему не догнали. Мы переглянулись, благодушное настроение исчезло.

– За то, что не остановила, – как-то само собой перешла я на фамильярное ты. Она фыркнула:

– Как будто тебя с твоим «явеликая княжна, подчиняйтесь» можно было остановить, – и тут же добавила. – Предлагаю возвращаться шагом, как-то мне беспокойно.

Я согласно кивнула. Мы развернули лошадей, но пошли рысью рядом друг с другом. Тревога нарастала. Что могло случиться на пустом торговом тракте рядом с крепостью? Мы же не так далеко ушли.

– Песнь ветра идет со стороны Пустоши, – переходя на шаг, мрачно заметила Элизабет.

Я вздрогнула, «песню ветра», или «песню Пустоши», называли ветер, дующий собственно с Пустоши, только это был не совсем обычный ветер. В нем было нечто иное, неприродное, и почти всегда за ним следовал прорыв тварей. Сейчас действительно с той стороны дул ветер, но это вполне мог быть и обычный буран.

– Да брось, мы же совсем рядом с крепостью, – неуверенно возразила я. – Гарнизон отца тут каждый сантиметр проверяет.

Девушка повыше подняла ворот полушубка:

– А песнь Пустоши не так часто и дует.

– Да с чего ты решила, что это песнь дует, а не обычная метель?

– А ты разве не чувствуешь озноб по коже? – вздернула брови она.

Я ступевалась, никогда, ни в одном походе и стычке с тварями я не чувствовала этот пресловутый озноб. Беспokoйно завозился щенок, высунул мордочку в ворот жакета и грозно зарычал, глядя вперед.

– Сильный озноб? – уточнила я.

– Да, – коротко ответила герцогиня, крепко сжимая поводья. Я потянула из голенища сапога кинжал.

– Если вдруг что-то начнется, ты, главное, не паникуй.

– Без тебя знаю, – раздраженно дернула плечом она. – Мне тоже кинжал дай.

– Ты же пользоваться не умеешь, – растерялась я.

– Уж как-нибудь разберусь! – она требовательно протянула руку

Наверно, мы смотрелись странно: две юные аристократки верхом на северных рысаках, с кинжалами в руках, напряженно вглядываясь вперед, практически крались.

Я никогда не чувствовала озноб Пустоши, не предвидела страхом появление тварей, мне, напротив, становилось удивительно спокойно рядом с прорывами, и это было моим маркером приближающейся беды. С нарастающим спокойствием я вглядывалась в снежную круговерть, а она смотрела в меня, и этот взгляд ощущался каждым волоском на теле. Вот этот взгляд все четче, мне даже не нужно открывать глаза, он ощущается и так – все ближе. Это странное переживание исчезло резко, я даже в седле пошатнулась.

– Элизабет, вправо!

Огромная черная тень пронеслась над местом, где только что стояла девушка, и скрылась в бурани. Герцогиня испугано оглядывалась по сторонам, крепко сжимая кинжал. Ее конь беспокойно похрапывал и танцевал на месте, норовя сорваться в галоп.

Я подстегнула лошадь:

– Скорее! – но скорее не получилось, мы не прошли и двухсот метров, как оказались в эпицентре сражения.

Три напрочь перепуганные фрейлины лежали, вжавшись в снег, и даже не подвывали. Двое стражников, гарцуя вокруг девушек, отбивали атаки трех огромных птиц с кожистыми крыльями и длинными клювами с множеством острых зубов.

– Навьи твари, порождения Пустоши, – выдохнула я. Ужаса картине добавляла тишина, ветер глушил практически все звуки, да и не было тех звуков, кроме всхрапывания лошадей и шелеста крыльев тварей, да свиста рассекающих воздух клинков.

– Кая, что делать? – вскрикнула Элизабет, и ее звонкий голос показался чем-то инородным в этом снежном хаосе. Боковым зрением я отметила движение:

– Уклоняться, – прошипела, резко дергая повод в сторону и благодаря своих предков за то, что у нас настолько спокойные лошади. Герцогиня повторила мой маневр, и тварь пронеслась мимо, но тут же взмыла вверх, готовясь к новому заходу. Закричал один из стражников, торжествующе заклекотала тварь. У меня не было времени взглянуть, что произошло, еще один уход от существа получилось сделать. Щенок тем временем выбрался из плена моей одежды и соскочил на круп лошади. Я отметила это лишь краем глаза, мысленно выругавшись: за ним еще смотреть. Сейчас мое внимание было сосредоточено на темной тени, что кружила над Элизабет. Вот девушка испугано подается в мою сторону, тварь стремительно бросается вниз, а с моей руки срывается кинжал. Тварь разразилась клекотом, кинжал лишь задел крыло. Чуть поменяв направление, она метнулась ко мне, не набирая высоты. Но тут случилось неожиданное: испуганный конь встал на дыбы, создание Пустоши подалось в сторону, а щенок, мощно оттолкнувшись от холки, подпрыгнул, успев вцепиться в крыло твари. Если бы время могло останавливаться, все бы замерли с открытыми ртами: и фрейлины, и стражники, и твари. Но время стремительно мчалось, не до удивлений. Создание Пустоши истоиво замолотило крыльями, пытаясь подняться выше. Мой кинжал вонзился в тело твари, та заорала

почти на ультразвуке, но, не падая, пыталась отлететь в сторону, щенок цепко держал за крыло, и как-то сразу становилось понятно, что не щенок это вовсе, а создание Пустоши, и схватка, и снежная песнь – это его стихия. Помянув Хелла, я подскочила на круп лошади и, повторяя подвиг щенка, прыгнула на висящую в воздухе тварь. Огромный клюв шелкнул рядом с лицом, мы повалились на землю. Я пыталась сдержать бьющие огромные крылья, волк вцепился в горло, но тварь по-прежнему сопротивлялась. Рядом простучали копыта, герцогиня спрыгнула с лошади и без замаха вонзила кинжал в глаз твари, вынула и тут же пронзила второй. Тварь выгнулась в агонии и еще спустя пару бесконечных мгновений затихла, даже клеточка не раздалась. Я едва успела выползти из-под крыльев создания, когда Элизабет толкнула в сторону. Лицо задела кожистые крылья.

– Все время отвлекала эту, – пропыхтела герцогиня, пятась и насторожено сжимая кинжал. Я вытащила свой и встала к ней спиной.

– Лошади фрейлин уже должны были вернуться в крепость, дозорные поймут, что произошло что-то, и вышлют подмогу, – я не успела закончить мысль. Тварь беззвучно появилась рядом, наотмашь взмахнула кинжалом. Не успела, мне бы клинок свой.

Отчетливо громко застонал стражник, тут же раздался жуткий хруст и дикий уже нечеловеческий стон.

Убили. Моего человека убили.

Тонкая, на грани сознания, мелодия играла в пространстве. Ей подчинялись порывы ветра, под нее плясали снежинки, она руководила ходом тяжелых туч. Играла свою мелодию песнь Пустоши. Нечто горячее и злое разлилось внутри. Мой человек умер в ритме этой жуткой песни. Ярость, та, что поселилась этой ночью. Ярость, что так всколыхнулась днем. Ярость, дикая и почти неконтролируемая, захлестнула сознание. Она отзывалась этой песне, я слышала такт и очень ясно ощутила тех, кто танцует в небе. На ресницы налип снег, моргнула, у Хелла в заднице, небось, светлее, чем тут. Элизабет неловко взмахнула кинжалом, тварь прыгнула в снежную марь. На задворках сознания услышала истошный крик фрейлин, ярость колыхнулась в такт с этим криком.

– Этих ты не сможешь забрать, теперь я тебя чувствую, – прошептала я. Она была справа, вот сместилась влево, нацеливается. Из снежного вихря мелькнуло кожистое крыло, но мне не нужны были глаза, песнь играла, тварь подчиняется ритму, а я его чувствовала, еще секунда. Мой кинжал сбил ее на лету, четко войдя в глаз. Тварь заклекотала, падая наземь и взбивая крыльями снег, щенок сделал пару скачков и с рыком вцепился в горло. Я отобрала у герцогини кинжал и с вернувшимся спокойствием прикончила создание. Ритм сбился. Тварь дернула крылом и обмякла, почти сразу потеряв контрастность. Через несколько часов ее тело полностью войдет в землю. Создания Пустоши могут находиться в нашем мире лишь живыми, их тела быстро разлагаются и исчезают.

Герцогиня уже вытаскивала из тела кинжалы. Мы бросились на помощь стражникам вместе. Стражнику. Голова откатилась в сторону, тело разметалось, а рядом из тела мертвой твари дрожащими руками доставала клинок маркиза Дебора. На ее нежно-розовой шубке бурые разводы смотрелись особенно жутко. Второй стражник спешил, одна рука свисала плетью, орошая снег красными каплями, второй он сжимал клинок, настороженно оглядываясь. Две фрейлины сидели за его спиной, отчаянно дрожа. А вот маркиза, достав клинок, неловко его подняла. Тварь кружила, я ее чувствовала. Подбежав к девушке, отобрала клинок.

– Дебора, ты молодец.

Девушка не отреагировала.

– Княжна, – прохрипел стражник. Я встала к нему спиной, герцогиня подошла к испуганной маркизе, задвинула ту себе за спину и подняла кинжал.

– Потерпи, страж.

Он не повернул головы в мою сторону, отслеживая пространство. Тяжело вздохнула:

- Смотрю в темноту, вижу тварь.
- Поднимаю клинок, – отозвался ритуальной фразой мужчина, перехватив оружие.
- Сейчас появится на три часа, руби наотмашь.

Солдат послушно взмахнул клинком, тварь заклекотала, прынула в сторону, мой кинжал вонзился под крыло, промазала. Создание попыталось взлететь, но крыло пробил кинжал, брошенный герцогиней. Тварь резко клюнула вниз, в двух метрах над землей выровнялась и попыталась взлететь снова, но на этой высоте я могла уже ее достать. Подпрыгнув, полоснула наотмашь клинком. Создание рухнуло в снег, истово щелкая клювом. Песнь потеряла ритм. Странная мелодия еще играла, управляя стихией, но звучание силы ушло. Голову твари снес стражник, кожистые крылья замерли темными пятнами на снегу.

Солдат покачнулся и с тихим стоном опустился на колено. Я устало оглянулась. Элизабет подошла к солдату, облокотила на свои ноги, мягко придерживая. Его бы уложить, да перевязать. Ветер швырнул в лицо горсть колючих снежинок, зябко поежилась, шапка в пыли сражения потерялась, холодно. Две фрейлины поднялись, их была крупная дрожь, то ли от холода, то ли от страха, но сделать шаг девушки не решались. Так и стояли обнявшись, в ужасе таращась на отсечённую голову. К нам хромая подошла маркиза, ее белоснежные волосы спутались, лицо было блее снега, а взгляд остекленевшим. С яростным остервенением она выдрала кинжалы из твари, тот, что метала я, застрял, и девушке пришлось его расшатать, прежде чем получилось достать. Достала, молча протянула мне, второй крепко сжала, прижимая к груди.

– Дебора, – мягко позвала я, забирая кинжал. Голубые глаза девушки не выражали эмоций. Аккуратно взяла за плечи и чуть встряхнула. У нее дернулся уголок губ, взгляд остался пустым.

– Маркиза, мне нужна твоя помощь, я прошу тебя и как княжна, и как девушка, и как человек, попавший в беду.

Рядом вновь застонал солдат и что-то сквозь зубы прошипела герцогиня. У нас не было времени. Во взгляде Дебора появилось чуть больше осмысленности.

– Дорогая, прошу тебя, позаботься о девушках. Мне нужно, чтобы они размялись, походили хоть немного, пришли в чувство. Иначе нас всех сожрет холод, не хуже тварей.

При слове «твари» девушка дернулась как от пощечины, губы ее задрожали, но она убрала мои руки и нетвердой поступью пошла к фрейлинам. Я вздохнула, если к нам не подоспеет помощь, то... думать в эту сторону не хотелось.

Присела рядом с раненым, он потерял сознание, лицо было белым и холодным, а дыхание угадывалось едва-едва, кровь продолжала стекать по руке. Плохо, нужно перевязывать. Герцогиня кое-как пыталась перемотать поверх одежды, но это не помогало, вцепившись в его окровавленную руку, стояла, боясь пошевелиться в попытке хоть как-то помочь.

– Опускай его, нам нужно быстро снять одежду с трупа солдата и переложить его. Поможешь?

– Раздевать трупы – мое любимое занятие, – хмыкнула девушка, опустила мужчину и встала в полной боевой готовности.

Дальше мы действовали быстро, не столько снимая одежду, сколько я вспарывала, а Элизабет стаскивала. Управились быстро, так же быстро переложили раненого. Его одежду тоже пришлось вспороть, но тут холод его убьет позже, чем кровопотеря.

Оголили руку. Перед нами предстали ошметки разорванного плеча, а ещё была рваная рана на боку.

– Ты такое раньше перевязывала? – Элизабет придерживала голову и на рану смотрела с содроганием.

– Нет, – мрачно ответила я и взялась за перевязку.

Я выдохнула, лишь когда за спиной послышался стук копыт.

– Думала, они до второго пришествия богов не появятся, – буркнула герцогиня, стараясь, чтобы губы не дрожали настолько сильно.

Прорвавшимся сквозь непогоду всадникам предстала странная картина. Две окоченевшие фрейлины исправно приседали под надзором третьей, периодически меняя приседания на прыжки. Рядом лежал обезглавленный труп, чуть в стороне перемазанная в крови княжна пыхла над стражником, который лежал головой на коленях у не менее перемазанной в крови герцогини. А по периметру валялись навьи твари, еще не успевшие исчезнуть.

– Княжна! – спрыгнув с лошади, к нам бросился начальник тайной канцелярии.

– Я в порядке, Рихард, – поднявшись, жестом остановила стремительное движение мужчины.

– Стражник и фрейлины требуют вашей самой скорой помощи.

Граф лишь хмыкнул, сделал на ходу пасс рукой, отдавая невидимый приказ своим людям. И вплотную подошел к нам:

– Герцогиня, вы, – начал он хриплым голосом.

– Я! – резко перебила она. – А он сейчас испустит дух у меня на руках! Немедленно окажите помощь!

– Уже оказывают, – спокойно сказал Граф, беря за руку герцогиню и, несмотря на ее гневный вскрик, поднимая с земли.

Все действительно пришло в движение. Песнь Пустоши заглушила суета людей. Солдаты укутывали фрейлин в теплые пледы, заставляли глотнуть горячего напитка. Тоби уже склонился над раненым. Рихард чуть ли не насильно укутал Элизабет в плед, та зло шипела, уверяя, что все с ней в порядке. Работники тайной канцелярии, маскируясь под обычных солдат, оперативно обходили периметр, отмечая расстановку сражения. Специалист по тварям осматривал оных. Все действовало как отлаженный механизм, четко и слаженно, и даже непогода не мешала. Все же отец молодец, у нас идеально вышколенный гарнизон. Горестно всхлипнула, взвыла графиня Лейна, видимо, шок прошел, поняла, что в безопасности. Но истерика не сложилась – Дебора, стоявшая рядом, отвесила резкую пощечину:

– Дома сопли на кулак намотаешь, бери пример с княжны, – прошипела она. И все невольно покосились в мою сторону. Я стояла неподвижно, у моих ног сидел успокоившийся волк, рядом потягивала из фляги горячий узвар герцогиня. Ее мой облик не смущал. Она невозмутимо вложила мне в руку флягу, заставляя глотнуть. Горячий напиток ожог горло, выводя из странного оцепенения. Вздрыгнула, маленькие иголки холода закололи кожу, я больше не слышала песни. Тут же на плечи опустился теплый плед. Рихард ничего не сказал, отошел на несколько шагов, отдавая приказы.

– Так говоришь, нам влетит? – непосредственно спросила герцогиня. Я хмыкнула, стряхивая остатки оцепенения.

– Увы, нет, просто будут бесконечные допросы тайной канцелярии и разбор ситуации.

– Какой кошмар, у меня совершенно нет правильного наряда для похода на допрос, – сокрушенно вздохнула Эльза. – Ты там прикажи, чтобы они допросы начали хотя бы завтра во второй половине дня, раньше не успеют наряд подготовить. А лучше послезавтра, тогда я точно смогу сгенерировать образ.

Я усмехнулась, Эльза ответила улыбкой:

– Не кисни, княжна.

– Первая смерть по моей вине.

Герцогиня взяла за руку, больно сжав и вынуждая смотреть в ее раскосые глаза.

– Лучше подумай, что это единственная смерть по твоей вине, а не лежат все наши благородные тушки на радость тварям.

Я вымучено улыбнулась:

– Уверена, ты не дала бы себя сожрать, пока не легла бы в наиболее подходящую для этого позу, еще бы настоятельно рекомендовала твари не чавкать.

Элизабет рассмеялась красивым, выверенным, идеальным смехом аристократки, я заслушалась.

– И все же, Элизабет, где ты научилась метать кинжалы? Я ни за что не поверю, что ты держишь оружие впервые.

Девушка поправила шапочку и нервно дернула плечом.

– Не ты одна, княжна, дочь севера, род Санских всегда поддерживал целостность границ. И мой отец считает, что любая аристократка севера обязана уметь защитить себя и своих детей.

В этот момент подъехала карета.

– В карету раненого и лекаря. Миледи Дебора, вас попрошу тоже поехать с раненым, лекарю может понадобится ассистент.

Маркиза понятиливо кивнула. Нужно будет присмотреться к ней повнимательнее. Но, увы, это все потом, сейчас за мной пристально наблюдает начальник охраны, с мольбой смотрят графиня и баронесса, а раненого наконец укладывают в карету.

– Кейл и Сандр, – вычленила знакомые лица из работников тайной, – графиню и баронессу садите к себе на лошадей и доставьте их наконец в замок, быстро и безопасно, и проследите, чтобы в первую очередь они попали к лекарям.

– Надеюсь, на вашем пути не встретится мифический дракон или не откроются врата в гостиную к Хеллу, сейчас я уже ничему не удивлюсь, – эту фразу буркнула себе под нос. Но герцогиня подозрительно забулькала уваром.

– Рихард, – глава тайной канцелярии склонил голову. Я замялась. – Ты знаешь, что делать, будь аккуратен, песнь еще дует.

Он кивнул:

– В крепость поедете в сопровождении моих людей.

Кто бы спорил.

В крепость мы мчались почти так же быстро, как еще недавно на прогулке. Два часа всего-то прошло, а длиною в отдельную жизнь. Мой конь с конем Герцогини шли почти храп в храп, и ее присутствие гасило мою жуткую тревогу.

В крепости ждали, паники не было. Но встречал нас сам отец вместе с Герцогом Санским.

Я видела, как вспыхнули радостью глаза Элизабет, но она нашла в себе силы сначала спешиться, степенно, но быстро пересечь двор, поклониться князю и лишь потом упасть в объятия отца, беспощадно пачкая в крови его камзол.

Я поклонилась князю, он прошелся по мне оценивающим взглядом, увидел, что я относительно невредима, если не считать ряд ссадин.

– Через час в моем кабинете.

На том встреча героев закончилась.

Глава 5

Меня мутило тем противным ощущением, когда ты четко знаешь, что не болен, а тебе просто тошно от ситуации, себя, других переменных.

В кабинете не хватало воздуха, было душно и людно. Анисия сидела напротив, и ее аккуратно уложенные локоны, легкий макияж и скорбная мина на лице ужасно бесили. Бесило все: оглушающее тиканье часов, исправно констатирующих, что да, нынче три часа ночи. Поднимающийся пар над слишком горячим чаем. Громкое дыхание маркиза Данаса. Бесил надушенный платок, который Герцог Санский периодически подносил к лицу. Кислый запах пота графа Араса перебивал даже приторную ваниль напомаженных воротничков стоечек на наряде баронета Шанского. Раздражал внимательный скользкий взгляд начальника тайной канцелярии, он предпочел не садиться и стоял у окна. И злило решение отца – рассказывать о ситуации не лично ему, а сразу всем, еще бы рыдающую жену покойного солдата позвал. Успокаивало только родное тепло щенка, он лежал у моих ног. Дым подрост, буквально на глазах, перед началом схватки это был крошечный комок шерсти, а теперь выглядит как трехмесячный щенок крупной собаки.

– Зачем вы потянули с собой в надвигающуюся песнь девочек! Славы захотелось?

Голос графа Конта Араса был противный, слишком высокий, и его грозный вопрос больше напоминал истеричный вопль. Разговор шел уже не меньше часа, и все давно скатились с вежливых форм до таких вот нападок. Князь молчал, и его молчание развязывало языки.

В принципе, я могла понять графа, его дочь сейчас в лазарете по моей вине.

Но то, что отец не вмешивался в разговор, позволило своре почуять дичь.

Через час, как хотел отец, мы не собрались. Слишком много было суеты. А мне нужен был отдых.

Я повела плечом, оно отозвалось болью – ушибла. С тоской взглянула на графа: «Послать бы тебя в Пустошь, тварям свои претензии предъявлять!».

– Во-первых, я отправилась с фрейлинами на прогулку в снежную погоду. Песнь Пустоши в тот момент не дула. Во-вторых, слишком ценю свое время, мне не нужны лишние люди в окружении! И в-третьих, – я прищурилась, неотрывно смотря в глаза графа, – что значит это ваше «славы захотелось»? Вы приписываете мне какие-то особые качества, о которых я знаю и все стремлюсь проявить?

По лицу мужчины пробежала судорога. Можно потратить много слов, описывая чувство ярости и бессилия. Но было ли оно на самом деле, или эта реакция в графе мне только кажется? В реальности мужчина лишь сильнее сжал кулаки и выдвинул подбородок вперед, но смотрел он при этом будто сквозь меня.

– Лишние люди?! – задохнулся баронет Шанский, багровея и пытаясь расстегнуть тугие пуговички своего жабо.

Я честно удержалась от того, чтобы не закатить глаза. Кто о чем, а тузик о грелке.

Анисия показательно тяжело вздохнула. И в этом вздохе было так громко сказано молчаливое «Ну что я вам говорила, это создание – воплощение зла».

Под рукой приятно ощущалась мягкая шерсть волка, такой маленький островок спокойствия. Что мне ответить этим разыгрывающим свои роли людям? Явно не о том, как мне страшно. И точно не о том, что я чувствовала Пустошь. О Безмянные, да одно воспоминание об этом заставляет темнеть в глазах. Я чувствовала Пустошь. Надеюсь, у меня получается хотя бы внешне оставаться спокойной.

– Да, ЛИШНИЕ люди, – не стала отрицать. – Леди Анисия, – легкий кивок в сторону женщины. Та безмятежно улыбнулась, – взяла на себя смелость подобрать мне фрейлин. Восемь прекрасных юных особ, и я бесконечно благодарна за ее выбор. Но мне рядом нужны надеж-

ные, смелые и преданные люди. И времени проверять годами эти качества у меня нет. Поездка верхом в непогоду – это испытание, настоящих дочерей Севера оно не должно пугать. В конце концов, сильных воинов подарят княжеству только сильные женщины.

Мой голос звенел, искренне надеюсь, что это похоже на ярость подростка, которого обвиняют в том, в чем он не виноват. Внутренне же мне было пусто, по-другому и не скажешь. Зато впервые я поняла, что имел в виду отец, когда говорил о расщеплении сознания. Вот ты игрок, дающий эмоции людям, а вот ты тот, кто смотрит со стороны на разворачивающуюся игру.

– ВЗДОР! – проревел герцог Арас и ударил кулаком по столу. Мерзко звякнули ложечки, поставленная маркизом на край стола чашечка опасно зашаталась, он вовремя успел подхватить, но обжёгся горячим чаем. Маркиз молча поставил чашечку на стол и демонстративно отряхнул руки. Граф Конт тяжело вздохнул, переводя дыхание:

– Из-за тебя, княжна, я чуть не лишился дочери. Из-за бунтарства пустоголовой девчонки! Сиди дома, пеленки вышивай! Твоя задача детей рожать! А не совать наших дочерей в пасть тварям! – граф откинулся в кресло, переплел руки на груди и смерил меня пристальным взглядом.

Глухо зарычал волк, в его глазах отразилось пламя камина, и они полыхнули красным. Взгляды вновь скрестились на мне, я видела в них и злость, неприязнь и даже презрение. О да, сейчас мы с волком были похожи, белоснежное создание Пустоши и девушка с седыми от рождения волосами, возможно, в моих глазах так же кровавым сполохом отражалось пламя.

Ненавидят ли они меня, потому что я бастард, да к тому же девушка, которому дали много власти? Или они чувствуют во мне что-то иное?

– Если случится прорыв и твари окажутся в моем доме, то мне хватит сил, умений и выдержки защитить своего ребенка! А вашу дочь вам стоит удачно выдать замуж, моя проверка показала, что вышиванию вы уделяете чрезмерное внимание!

Граф вскинулся. Но я не дала ему возможности говорить, продолжив:

– Северное княжество – это граница империи, а княжеская крепость Севера – это пограничье Пустоши, это не ваши безопасные уголья на границе с заозерьем. Не забываетесь, граф, тут действуют иные законы! И да, – я резко развернулась к баронету, – предсказать песнь пустоши НЕВОЗМОЖНО!

– Легард!!! – вновь взревел граф. – Сколько мы будем терпеть выходки твоего бастарда!

Отец сидел в кресле за своим рабочим столом, подперев голову рукой, и равнодушно поглядывал на разворачивающиеся события.

Видимо, равнодушно, я различала эту его внимательную заинтересованность правителя. Хуже, что он разглядывает лики подданных, пока они треплют меня.

– Не горячись, – осадил графа маркиз Шер Данас. – Эта малышка спасла жизни всем нашим дочерям.

– Сначала подвергнув угрозе, – хмыкнула Анисия.

Маркиз прошелся по женщине внимательным взглядом:

– Песнь Пустоши невозможно предсказать, – повторил он мои слова. – Навьи твари могли с тем же успехом залететь на территорию крепости.

– Не могли, – перебила его Анисия, – над крепостью храмовники ставили защиту.

– Допустим, в любом случае пострадали бы дозорные, далеко не факт, что они сразу бы сориентировались. Насколько я знаю, подобных инцидентов раньше не было.

– Не было, – покачал головой отец, и это были его первые слова за этот вечер.

– Жертв могло быть больше, – кивнул маркиз. – Здесь, скорее, стоит вопрос как не допустить подобного, даже не так, можно ли что-то сделать, чтобы минимизировать угрозу. Молодая княжна права, далеко не все способны быть хладнокровными перед лицом Пустоши.

– Молодая княжна, – скривился баронет, – да простит меня князь, – легкий полупоклон в сторону моего отца, – но я буду говорить очевидные вещи. Так вот, она сама несколько похожа

на создание Пустоши! И то, что рядом с ней ручной собачкой сидит сумеречный волк, только подтверждает мои слова.

Еле сдерживаемую ликующую улыбку Анисии сложно было не заметить.

Слова баронета попали в цель.

Все-таки чуют, вопрос только – что? Хотя нет, степень возникающих вопросов настолько велика, что мне даже мыслить в ту сторону не хочется. Как я могла почувствовать песнь? Связано ли это с моей мутацией? И стоит ли об этом кому-то говорить?

В кабинете повисла пауза, та самая, которую не хотят прерывать даже шелестом одежды.

Нет, не стоит. Пожалуй, даже отцу пока говорить не нужно.

– Спасибо за политкорректное «создание Пустоши», а не попросту тварь, – хмыкнула я. Баронет Грегор Шанский нервно оправил свое жабо, отводя взгляд в сторону.

– Да простит меня князь, – я сделала легкий полупоклон в сторону отца. – Но пользуюсь тем, что здесь сейчас не большой совет княжества и не малый круг заседаний. А собрались отцы дочерей, которые чуть не пострадали по моей вине. Я скажу так, – на этих словах я подалась вперед, не отрывая взгляда от жирной потной шеи в дурацком кружевном жабо. – Не вашего ума дело, баронет, на кого я похожа. Такое грубое оскорбление спишу на аффект, а не на желание сыграть нападении тварей, чтобы выторговать себе компенсации, бонусы и привилегии! Вы замечаете нечто противоестественное в моей внешности. А я замечаю, как вы поглядываете на карту княжества. Конечно же, ведь вы уже давно подаете прошение о присвоении к вашему поместью части леса, которое никак не эксплуатируется княжеством. Вы ведь заядлый охотник? – я усмехнулась, почти с наслаждением замечая, как бледнеет лицо мужчины.

– А в лесу в этом, вот огорчение, нельзя заниматься охотой. Там питомник оленей, который создала еще моя бабка, княгиня Заяна. И не потому ли там внезапно стали появляться следы тварей, их логова, и пропадать люди, что вы просто хотите там спокойно охотиться? Выбив разрешение на присмотр за территорией, плавно переводя в угоды поместья, – я выдохнула, ответом была полная тишина, в которой баронет встрепенулся будто воробей, стряхивающий с себя грязь.

– Да что вы несете? – голос его дрогнул, он обеспокоенно посмотрел на князя.

– А вы? – усмехнулась я, запуская пальцы в теплую шерсть волка.

Грегор Шанский сглотнул, нахмурил брови и явно был готов ответить, но я резко взмахнул рукой, останавливая его.

– Я лишь демонстрирую вам, что тоже могу заключать поспешные выводы, не разбираясь в фактах. И бросаться обвинениями так же обучена. Как и многому другому, – в этом месте я повысила голос и в упор посмотрела теперь уже на графа. – Меня многому учат. Это ли вы имели в виду, когда говорили про мою жажду славы? Или что-то еще, а, граф Арас?

Граф бросил осторожный взгляд на князя.

– Это, княжна. На Севере раньше не учили дочерей обращаться с клинком.

Я хмыкнула:

– Видимо, мир меняется, граф Арас, и Пустошь подступает.

Я не дала вновь повиснуть тишине, продолжила, повысив голос.

– Приношу официальные извинения, что подвергла ваших дочерей опасности. Север столкнулся с невиданным ранее, твари появляются совсем близко. Нам всем стоит быть внимательнее и собраннее. Смею надеяться, что этот случай научит девушек быть осторожнее. Как и нас всех.

Граф зло фыркнул и открыл было рот, но послышались громкие хлопки герцога. Все замолчали.

– По-моему, достаточно, Легард, заниматься бичеванием девочки, – герцог Санский обернулся к моему отцу. – Самое время обсудить, в какую сумму княжеству встанет вызвать храмовников, чтобы они ставили новый заслон. И стоит ли обращаться за помощью в столицу.

Отец усмехнулся:

– Ты прав, мой друг, – голос его был глух, но очень четок. – Господа, раз моя дочь принесла извинения, пора бы ее отпустить, а то сколько, – он развернулся в сторону начальника тайной канцелярии, – Рихард, напомни, сколько там тварей Кая порешила.

– Три, – без эмоций ответил он.

– Трех, – повторил мой отец, вновь разворачиваясь к аристократам.

– Не я их убила, а МЫ, все, кто там находился.

Отец покивал в такт моим словам:

– Вот для этого и нужен близкий круг, чтобы всегда могло быть это МЫ в сложной ситуации, – он отбил пальцами ритм по подлокотнику, осматривая всех присутствующих.

– Кая, твоя жесткость меня расстраивает. Ты сказала, смеешь надеяться, что девочки чему-то научатся. Чему они научатся? Не доверять своей княжне? Люди разные, и преданность тоже разная. И не все достойные люди хорошо держатся в седле. Ты права лишь в одном. Мы говорим о твоих ошибках, а должны в первую очередь говорить о прорыве тварей, ситуации беспрецедентной.

Граф с тоской посмотрел на чашку с отваром, ему явно хотелось чего-то покрепче. Баронет в сотый раз дернул свое жабо, кожа на шее уже покраснела. Анисия красиво крутила пустую чашечку в тонких пальцах.

– Ты наказана, – продолжил отец, обращаясь ко мне, но оглядывая всех. – Наказанием тебе будет лишение этого круга верных людей. Раз не научилась еще заботиться о подданных, значит, и фрейлины не положены, – он сделал паузу, уловил вспышку радости на моем лице и, усмехнувшись, продолжил. – Ты уравниваешься в правах со всеми юными аристократками княжества, отныне ты не имеешь никакого права им приказывать.

Я сдержано кивнула, принимая наказание. Слишком мягко – читалось на лицах господ.

– Можешь быть свободна, – кинул на дверь отец. В кабинете опять воцарилась тишина. Молча встала, держа спину максимально прямо, присела в реверансе:

– Всего доброго, господа.

Мне не ответили. Выходя, наткнулась на прожигающий колючий взгляд Анисии. Она думает, что этот раунд остался за мной. Она думает, что это раунд. А у меня перед глазами отрубленная голова. Аккуратно прикрыла за собой дверь. Посмотрела, пуст ли коридор, и только после этого привалилась к стене. Как же я устала. Свет луны мягко серебрил падающие хлопья снега.

За дверью послышалась оживлённая беседа и переливчатый смех Анисии. Я скривилась сильно захотелось сплунуть.

– Пойдем-ка мы лучше спать, – потрепала по холке щенка. – И имя пора уже придумать, а то что я все, щенок и щенок.

Волчонок радостно подпрыгивал рядом. Я ласково потрепала его по холке. Перед глазами стоял взгляд отцовской жены. Ненавидит. Раньше хоть по-тихому, а последние три года как с цепи сорвалась. Хотя почему как? Именно с нее-то она и сорвалась, когда гениальный план выдать меня замуж не удался.

Глава 6

3 года назад

Письмо пришло, когда мне было четырнадцать, то есть три года назад.

– Кая, девочка моя, иди в дом.

Подобрав юбки дорогушего платья, по-доброму улыбалась мне Анисия. Я от неожиданности даже стрелу уронила. Анисия по-доброму улыбается мне?! Под ложечкой нехорошо так засосало. Ох, чует моя буйная головушка, не к добру это. Я подобрала стрелу и отложила лук в сторону.

– Что-то срочное, леди Анисия? – мой голос был безупречно вежлив, а взгляд отрепетировано заинтересованным.

Та, не переставая улыбаться, только щека странно дернулась, подставила мне локоток. Мне пришлось учтиво принять ее руку. Неспешно и чинно мы двинулись к главному входу. Она в вызывающе дорогом платье, а я в несколько грязноватом лучном костюме.

– Дорогая, тебе уже исполнилось четырнадцать, и ты сознательная молодая леди.

Я промолчала, так как с сознательностью дела обстояли плохо.

– И должна понимать, что от тебя зависит судьба всего княжества, – голос Анисии расстилался бархатными рукавами. А я чуть не сбилась с чинного шага. Под ложечкой засосало в два раза сильнее.

– Ты бываешь упряма, – она сильнее сжала мою руку, не переставая улыбаться. – Но подумай сама, что даст твое упрямство. Родившись княжной, ты взяла на себя много обязательств. И самое главное – это забота об интересах княжества.

Мы миновали розарий, я с тоской посмотрела на такой далекий вход в замок. Благодарственная беседа не вдохновляла, а напротив, наталкивала на весьма неприятные мысли.

– Леди Анисия, уж не хотите ли вы сказать таким завуалированным способом, что там в замке меня ждут сваты, – сказала исключительно светским тоном, чуть отрешенно созерцая люпины. Боковым зрением заметила, как дрогнули в едкой усмешке губы женщины.

– Дорогая, тебе не хватает такта. Подобная прямолинейность не приветствуется в высшем обществе, – она смерила меня сочащимся добром взглядом.

На фоне буйной зелени сада с томно полуприкрытыми глазами, в выгодно обтягивающем стройную фигуру платье и с красиво подкрученной темной гривой волос, она была прекрасна. И я вполне понимаю отца, такую женщину сложно не желать. Но до чего же стерва. Просто змеюка.

– И все же, – напряженно уточнила я.

Анисия рассмеялась, сходство смеха с переливами весеннего ручейка, на мой взгляд, было просто отвратительно.

– Не будь так угрюма, Кая. Но да, ты права, в замке тебя ждет целых два весьма интересных предложения. Как видишь, даже выбор есть, – она утешительно погладила мою руку. – Будь благоразумной, дорогая, и самое главное – осознай, что от этого никуда ты не денешься, эта твоя миссия – выгодно выйти замуж, таким образом обеспечив хорошее будущее княжества.

Легкое поглаживание превратилось в цепкий захват, а последние слова женщина и вовсе прошипела, смотря мне в глаза, впрочем, не забывая улыбаться.

Мне захотелось вырвать руку, захотелось крикнуть ей в лицо, что все благополучие княжества расходуется на ее тряпки и нечего меня как менную корову продавать.

Но я лишь учтиво склонила голову:

– Благодарю за совет, леди, позвольте пойти в комнату и подготовиться к встречам?

– Иди, милая, – расцвела улыбкой княгиня, отпуская меня.

Коротко кивнув лакею, я взлетела к себе на этаж, затворяясь в покоях.

Первым желанием было броситься на кровать и разрыдаться. Но вколоченная намертво ответственность тут же подняла голову и напомнила, что у меня сегодня важные встречи и опухшие глаза мне ни к чему.

Злые слезы продолжали жечь глаза, я прошла в ванную комнату, забралась в купальню и устроила себе контрастные омовения.

Помогло, прошло минут двадцать, и я успокоилась. Позвала служанок, те меня уже ждали под дверью. И перевоплощение из сорванца в молодую леди началось. Совершенно спокойно позволила затянуть себя в корсет, надеть нечто пышное голубое с бесчисленным количеством оборочек.

Обычно подобная покладистость за мной не водится, я крайне категорична в своем гардеробе. Предпочитая фасоны платьев без всевозможных фижм и рюш, классического кроя и темных тонов. Хотя, если говорить совсем уж откровенно, то чаще щеголяю в штанах.

Меня усадили к зеркалу, колдуя над волосами. Я несколько меланхолично взирала на свое отражение.

Моя внешность была странной, гувернантка, да и камеристка, а вместе с ними служанки уверяли меня, что я еще изменюсь и все подростковое, я их молча слушала, но оставалась при своем мнении.

Мои волосы были снежно-белого цвета, седые от рождения, едва выющиеся. Лицо несколько прямоугольное, с ярко выраженными скулами. Глаза большие, оттенка странного, я бы сказала, что они седые, как и волосы, отец утверждал, что глаза у меня будто льдинки, в которых заблудился лучик света. Анисия, поджав губы, бросила как-то: «Блеклый взгляд у вас, княжна». Кожа была белоснежной, особо никогда не знавшей летнего солнца. А вот мои губы мне нравились: припухлые, естественного кораллового цвета, красиво очерченные.

Рост у меня уже высокий, почти на голову выше всех одногодок, а это я еще расту. Особо женственных форм пока еще не имелось, оставалась надеяться, что через пару лет фигура трансформируется.

В общем-то, я была красива, но какой-то иной, неживой красотой, как может быть красива замерзшая роза.

– Готово, госпожа, – всплеснула руками служанка, делая шаг назад. Две другие удовлетворенно кивнули, вполне довольные своей работой. Я встала, подошла к большому зеркалу, отразившаяся юная девушка навевала холод, морозом веяло и от тяжелого взгляда, и от удачно подобранных сапфиров, и даже платье в рюшечках наводило мысль не о невинности лета, а о ледяных узорах на стекле.

Мне понравилось.

– Спасибо, – я чинно кивнула, вновь присаживаясь, – пока можете быть свободны.

Служанки быстренько навели порядок на столике и покинули мою комнату. А я принялась ждать. Когда взрослые до чего-то договорятся, меня позовут.

Руки трусились, страшно. Это невыносимо ужасно, когда ты не вправе сам решать свою судьбу. Княжна! Я фыркнула. Только слово, а не княжна.

У отца было двое детей: я и мой младший брат Кассий. И со мной, и с братом все весьма неоднозначно. Отец был в браке с Анисией восемнадцать лет. Молодая супруга не могла подарить папе ребенка целых четыре года. Что крайне печально, поскольку Легарду было уже сорок два, и до сих пор ни одного ребенка.

А вот дальше произошли странные события. О которых мне, как невинной барышне, естественно, никто не говорил. В тот год Пустошь будто взбесилась, один прорыв тварей шел за другим. Отец возвращался из похода, только чтобы пополнить запасы, и уходил вновь. Одни шептались, что так продолжалось около трех месяцев, кто-то говорил, что больше. Сам отец на мои вопросы отвечал односложным:

– Когда-нибудь потом мы с тобой поговорим на эту тему.

Его отряд попал в снежную песь Пустоши. Не выжил никто, кроме моего отца. Но о том, что он остался в живых, тогда не знали.

Поговаривали, что в то время Анисия уже примеряла титул владычицы княжества. Но отец вернулся. Еле живой, поседевший, худой как щепка. Его нашли лежащим в снегу под воротами замка, прислуга даже не сразу узнала. Выздоровливал долго и тяжело, после того случая он навсегда остался немного хромым. А вот вторая часть истории покрыта плотной завесой тайны: ни нянечка, ни конюх, который помнит моего отца еще подростком, ни другая прислуга ничего не могут сказать. Лежал ли князь дома болел или ушел в поход – неясно. Сколько его не было, месяц, два? Всегда молчание в ответ.

Доподлинно известно, что в одну лунную ночь отец вошел в замок с новорожденным. Почти не раздеваясь, лишь сбросив оружие, он поспешил в храм, где перед ликами Богов признал меня своим ребенком.

То есть я была бастардом, но бастардом признанным.

Гнев Анисии был невероятным, думаю, она бы меня убила, но отец пригрозил жене плахой, если с ребенком что-то случится. Не случилось, берегли меня как зеницу ока.

А через год произошло еще одно чудо. Анисия забеременела и позже разрешилась мальчиком. Правда, мальчик был как-то поразительно похож исключительно на мать, но отец, несмотря на молву и тихие пересуды, тихие потому, что Анисию побаивались, все-таки признал сына. И даже оформил документы, назначив своим наследником Кассия, но в тех же документах и мне отходило весьма внушительное приданое. Но забывать о том, что я бастард, не стоит, да, отец меня невероятно любит и княжество у нас сильное. Но на рынке невест моя стоимость была невелика, я бастард, да еще и внешность странная.

Счастливой семьи не получилось. Анисия не скрывала своей неприязни ко мне и делала мою жизнь сложной. Отец же совершенно не привязался к сыну, он был в меру заботлив, но любовью к чаду тут и не веяло. Кассий рос болезненным ребенком, и мамки с няньками всегда стерегли его верным гарнизоном, не пуская мальчика ни к каким железякам, лошадям и уж, конечно же, походам.

Зато отец безотчетно любил меня, правда, любовь эта была своеобразной, чувства истинного воина. С трех лет меня посадили на лошадь. С пяти учили стрелять из лука. В восемь меня стали брать в походы, обучая мастерству следопыта, тогда же я стала учиться управляться с кинжалами.

С двенадцати я осваиваю клинки. Вместо танцев меня учили разделять туши животных, вместо пения я варила противотравные зелья.

Политология, экономика, география, история, международное право. Просыпалась и засыпала с этими книгами. Я мало играла с другими детьми, учеба занимала львиную долю моего времени.

Кассий тоже учится, он слаб физически, но ум у него, как клинок, острый. В свои двенадцать он знает уже несколько языков и с головой закапывается в отчетные книги, ему крайне нравится возиться с цифрами.

Отец рад. У него растет мудрый наследник, я же была его отдушиной. Мы никогда не заговаривали о моем будущем, но я тайно надеялась, что меня оставят в княжестве и я стану начальником гарнизона. Ведь зачем-то же меня воспитывают как воина, глупо было бы взять и выдать меня замуж.

Я тряхнула головой, совершенно не представляю себя в роли жены.

В дверь постучали. Я поднялась, сама открывая дверь. Склонившийся в поклоне лакей попросил следовать за ним. Аккуратно придерживая платье, пошла следом.

Иногда нужно просто доверять, ведь без доверия жизнь превращается в тернии. Я верила своему отцу, меня не может ждать ничего плохого.

Лакей провел к голубой гостиной. Мысленно усмехнулась, отлично, в ее холодном интерьере я буду еще больше походить на приведение.

Осторожно постучав и получив разрешение войти, вплыла в помещение. Потупив взор, присела в реверансе, тихим голосом произнесла:

– Добрый день, господа.

– Проходи, дочь, присаживайся, – степенно отозвался отец.

Я робко и несколько испуганно оглядела гостиную. Сидевший в кресле молодой мужчина аккуратно поднялся, подошел ко мне, легко поклонился и подал руку. Я старательно смутилась и положила чуть дрожащую ладонь на его локоть, позволяя проводить меня к мягкому стульчику.

В гостиной находились четыре человека, включая моего отца. Двое мужчин постарше, им было где-то около шестидесяти, они сидели слева от меня в удобных глубоких креслах. Отец расслабленно расположился на стуле, внешний вид которого напоминал трон. А напротив присел столь учтивый молодой человек. Все взгляды прикованы ко мне, а я скромно рассматриваю вытканые снежинки на ковре.

Отец прокашлялся, я заметила, что он прикрывает рот ладонью, а мизинец странно согнут. Это был охотничий знак, он говорил: будь сосредоточена, здесь опасно.

– Кая, как ты себя чувствуешь? – стандартный вежливый вопрос, предполагающий такой же вежливо стандартный ответ, но я отвечаю иначе.

– Мне несколько лучше, батюшка, но все еще чувствую слабость, – зябко потерла руками, абсолютно ненавязчиво указывая ладошкой сначала влево, а потом обе ладошки прямо.

Отец расстроено покачал головой.

– Я сожалею, что мы тревожим тебя, когда ты столь слаба, но сегодня тебе нужно принять важное решение, – он естественно развел руками, как бы указывая прямо, а для меня значит налево.

Двое мужчин, видимо, опаснее молодого.

Отец, будто спохватившись, хлопнул себя рукой по бедру.

– Благородные сеньоры, прошу прощения, что так бессовестно попрал этикет!

Я прикрыла глаза, чтобы откровенный смех не читался.

– Позвольте представить вам мою единственную дочь, юную княжну Северного княжества, миледи Каю Легардскую, – отец плавным жестом указал на меня рукой. Хотя взгляды всех присутствующих и так были сосредоточены на мне. По правилам этикета мне положено сделать реверанс, но я уже сидела и вроде как чувствовала себя плохо, а потому ограничилась степенным кивком головы и скромной улыбкой.

– Кая, рад тебе представить послов наших глубокоуважаемых соседей, княжества Великих Болот, – он указал рукой на ближайшего ко мне мужчину. – Перед тобой благородный сер Льюис Даорский, – взмах рукой на второго, – и его помощник сэра Дональд Даорский.

– Безмерно рада, господа, – проговорил еле слышным голосом и вежливо улыбнулась, впрочем, руки для поцелуев не подала. Мужчины важно кивнули, подтверждая, что, мол, тоже рады, но взгляд их цепких глаз мне совершенно не нравился.

– А также позволь тебе представить высоко уполномоченного сэра Карвина Ориского, сиятельного принца Тезия, да будут благословенны года правления его.

Сидевший напротив молодой человек великосветски улыбнулся, впрочем, одними губами, не задействовав глаза, отчего верить ему тут же расхотелось, и сам заграбастал мою руку для поцелуя.

– Почту за честь знакомство с вами, – голосом поставлено низким, отрепетированным, проговорил он, старательно заглядывая мне в глаза.

Я отдернула руку поспешно, скрывшись за маской смущения.

Отец удовлетворенно кивнул:

– Правила хорошего тона мы хоть с запозданием, но соблюли, так что сразу к делу, – он повернулся ко мне. – Кая, минуло четырнадцать долгих зим, ты вступила в тот прекрасный возраст, когда уже можно испросить благословение богини для создания нового очага, – отец запнулся, тяжело вздохнув, я мысленно фыркнула, из него вышел бы отличный артист. – Гхм, не мастер я держать высокопарный слог, дочь, я потратил много времени на твое образование, а потому ты наверняка понимаешь, что у меня есть все полномочия выдать тебя замуж, не спрашивая твоего согласия. И так бы я и поступил, если бы не одно но, – он сделал паузу и прищурил глаза, хитро так.

Я все так же изучала снежинки, искоса наблюдая за мужчинами. Те сидели совершенно спокойно, лишь тот, кто был помощником, несколько нервно перестукивал пальцами по изящной трости.

– Когда слух о том, что ты можешь породить новую жизнь, разнесся по империи, – подавить вспышку гнева стоило огромного труда. Надеюсь, стиснутые кулаки сочтут за испуг и робость, а гневные красные пятна, наверняка выступившие на лице, посчитают смущенным румянцем.

Анисия, вот стерва подколодная, ну до чего же ушлая, и как только умудрилась разнести сию радостную весть. Ведь исходящая корреспонденция проверяется службой безопасности. И эту новость отец бы не пропустил еще года два.

– Мне поступило не одно приглашение на смотрины, – продолжал отец. – Но все кандидаты не были достойны дочери Северного княжества. Легард выдержал эффектную паузу. – Но сегодня поистине прекрасный день, и к нам пожаловало сразу двое послов с предложениями, от которых я не могу отказаться, – отец прокашлялся три раза, это было условным знаком – зверь загнан, мне пора бить.

Я внутренне подобралась, интересно к чему этот сигнал сейчас?

– Второй сын князя Великих Болот сэра Родрик предлагает вам, Кая, связать ваши жизни, – перебил отца посол. Голос у него звучал надломлено.

– Предложение в высшей степени благородное, с учетом вашей, гхм, – он замялся, – не совсем простой ситуации с родословной, – учтиво улыбнулся мужчина.

Я еле сдержала усмешку, родословная их моя смущает, отец за меня чуть ли не полкняжества отдает. Оттого ты, гиена, так вежливо и скалишься. Я, естественно, благоразумно промолчала. Отец тоже промолчал, но снисходительную усмешку не сдержал.

– И я бы, Кая, не стал отказываться от столь привлекательного предложения наших соседей и друзей, к тому же они любезно в обмен на тебя предлагают приграничные солевые рудники вместе с прилегающим графством, – посол выразительно кашлянул. Отец наигранно спохватился:

– Ах да, к чему это тебе знать, дорогая. Но есть предложение от самого принца, и тут ты должна выбрать сама, ибо по законам империи никто не вправе ограничивать твое решение, если оно касается императорских предложений.

– Я вас внимательно слушаю, сэра Карвин, – благожелательно улыбнулась имперскому послу. Что бы он ни предлагал, надо соглашаться, идти замуж за этого засранца Родрика я не собираюсь. Мало того, что к сорока двум годам он свел в могилу уже трех жен, он был известным пьяницей, блудником и просто пижонистым идиотом, и по-моему, еще чем-то неизлечимым болел, но это держали в тайне.

– Как вы знаете, – начал посол, – раз в шесть лет проводятся императорские смотрины. Принц Тезий с детства обручен с принцессой островного государства Вероникой, и по достижении ее совершеннолетия непременно состоится свадьба. Но императорские браки весьма кровосмесительные, ибо заключаются в узком кругу. А потому, как вы знаете, в императорской семье разрешено двоеженство, – он сделал выразительную паузу, с усмешкой глядя на других

послов. Те хмурились. Отец откинулся в кресле, и казался безучастным, я все так же вежливо улыбалась.

– Принцу двадцать два, – продолжил посол, – вскоре состоится его вторые смотрины, на которых его сиятельство, надеемся, подберет невесту.

Я позволила себе легкую усмешку, помнится, на прошлых смотринах принц успешно подобрал любовниц.

– Естественно, второй спутницей будущего правителя должна быть высокородная аристократка.

«Или аристократка с внушительным приданым», – добавила я мысленно.

– Поэтому я и здесь, – учтиво склонил голову мужчина. – Конечно, конкуренция большая, но на смотрины приходит не только принц, но и другие высокородные лорды, если не удастся понравиться наследнику, можно заключить иной вполне выгодный брак. И к тому же не стоит забывать о Тенях Императора. Они также будут присматривать себе спутниц.

Посол болотного княжества невежливо крякнул.

– Кая, вам поступило выгодное предложение стать одной из высокородных леди княжества Великих Болот. Или рискнуть попытать счастья стать правящей принцессой, – он хитро подмигнул мне и отсалютовал послам Болот.

– Как умная девушка, вы должны понимать, что шанс стать принцессой довольно призрачный, а породниться с княжеством Великих Болот – реальный, и это родство принесёт прибыль Северу, – легко мотнув головой из стороны в сторону, сэра Дональд, тот, который сидел ближе ко мне.

Я внимательней в него вгляделась, лысеющий обрюзгший мужчина, на лбу выступили капельки пота, губы сжаты в одну линию. Нет, ему нельзя верить, что-то не так с этими рудниками, да и вообще с замужеством. Сомкнутые губы говорят о попытке нечто скрыть, пот – свидетельство волнения, а отрицательное покачивание головы во время утвердительных слов – еще один показатель, что верить нельзя.

Впрочем, приподнятые с одной стороны уголки губ у посла императора и его непроизвольные касания уха – тоже свидетельства лжи или не особой веры своим словам.

И тех, и других нужно слать на Пустошь.

Я печально вздохнула:

– Ответ, как я полагаю, нужно дать сейчас?

– Да, Кая, – отозвался отец, – мы не можем надолго задерживать столь уважаемых господ.

Я развернулась к послам Болот.

– Вы предоставляли документацию по состоянию дел на приграничных рудниках? Главный посол презрительно поджал губы:

– Естественно.

– И информация о пластах залегания соли есть? – я вопросительно взглянула на отца. Тот утвердительно кивнул.

Хм, неужели я ошиблась. Перевела взгляд на помощника посла. Мужчина нервно перебирал пальцами по трости. Что-то не в порядке с рудниками. А о чем можно не указать при сделке?

– И данные о смертности на рудниках есть? – вежливо улыбнулась.

Ноздри посла раздулись, губы нервно дернулись – гнев. Значит, я угадала.

– При всем моем уважении, миледи, но эта информация – не вашего ума дело.

– Не моего, – не стала спорить я и улыбнулась отцу.

– А мне было бы интересно взглянуть на данные о смертности рабочих, – взяв стопку документов, задумчиво протянул князь.

– В документации вы указываете, что прекратили выработки полтора года назад, якобы замораживая шахты, из-за очередного овдовения вашего младшего князя. И перспективы породниться с нами.

Посол степенно кивнул:

– Именно так.

Отец отложил в сторону документы, переплел пальцы, внимательно взглянул на Даорских..

– Чуть меньше двух лет назад, а если точнее год и восемь месяцев, случилось землетрясение, несильное, но определенные процессы могли нарушиться, – он сделал паузу, – у вас в шахтах пошел метан?

Посол нахмурился:

– Я не тот человек, с которым можно обсуждать этот вопрос, и мы не в том месте, где его нужно обсуждать, и не с теми.

Легард покачал головой:

– Сумма приданого моей дочери весьма прилична, и с моей стороны договор соблюден. Я не желаю ссор с соседним княжеством. Но не считаете ли вы, что подсовывать мне непригодные рудники несколько, – он повел плечами, – неправильно?

– Эта информация еще не подтверждена, – впервые за сегодняшнюю встречу открыл рот помощник посла.

– Мне несложно ее проверить, потребуется несколько часов. Подождем?

– Не стоит, – махнул рукой посол, – мы можем пересмотреть условия договора.

Отец вопросительно взглянул на меня.

– Не стоит, – повторила фразу посла, – я нахожусь в том чудном возрасте, когда столь наивные девушки мнят себя принцессами, – я картинно пожалла плечиками. – Раз выгодные рудники не могу принести Северу, так почему бы не попытать счастья стать правящей принцессой, – я улыбнулась, с надеждой похлопала ресницами на посла императора и губки надула для эффекта.

Тот сидел с таким лицом, будто смотрит спектакль. Но на мой взгляд ответил многообещающей улыбкой.

– Это понимать как согласие на участие в зрелищах?

Я утвердительно кивнула. Посол склонил голову:

– Принц непременно вас высоко оценит.

Я мысленно цокнула, да упаси меня Богиня, якшаться со змеями во дворце – мне еще этого не хватало, достаточно одной Анисии. Нужно еще придумать, как отвертеться.

Старательно улыбаясь, я подала руку для поцелуев.

И тут воздух вокруг меня сгустился, дышать стало нечем, я схватилась за стол в попытке удержаться, но руки не слушались, отчаянно захрипев, я рухнула на пол, больно ударившись об угол стола.

Пришла в себя я из-за немилосердно впившейся в голову шпильки. Со стоном подняла голову, пытаясь выдрать эту заразу. Ко мне тут же бросилась служанка в стремлении уложить обратно.

– Госпожа, вам нельзя вставать, у вас обострение болезни.

– Шпильки из волос вытяни, лежать невозможно, – недружелюбно буркнула я, впрочем, без сопротивлений вновь откидываясь на подушки. Служанка тихо охнула и принялась выбирать из волос моих мучительниц.

Чувствовала я себя хорошо, если не считать несколько саднящего затылка.

Что произошло, я не понимала, но подозревала без отца не обошлось. А потому, если говорят, что у меня обострение неведомой болезни, будем болеть.

Отец появился минут через двадцать, не один. Завидев императорского посла, я тут же приняла мученический вид.

– Кая, как ты? – садясь на кровать и беря меня за руку, ласково спросил папа. Я поморщилась как от головной боли и ничего не ответила, лишь устало прикрыла глаза.

– Такие обмороки у нее с детства, острая нехватка меланина в организме, от этого и волосы белые, – сокрушенно сказал отец поглаживая мою руку. – Врачи утверждают, что с возрастом это пройдет, вот перестроится организм, минует подростковый период, и она поправится.

И все же мой отец гениальный актер.

Посол хмурился, я это видела сквозь полуопущенные ресницы.

– Смотрины буквально через месяц, – протянул он.

Легард развел руками:

– Она не успеет поправиться к тому времени.

Посол недовольно хмыкнул:

– Пойдемте в ваш кабинет, обсудим условия, ведь девушка дала согласия на смотрины.

Отец поднялся:

– Пойдемте.

– Поправляйтесь, юная княжна, – бросил на прощание посол. Я ничего не ответила.

В следующий раз отец зашел глубоким вечером, я как раз дочитывала книгу.

– Как дела? – спросил он своим нормальным голосом, усаживаясь в кресло.

– Это ты мне скажи, как у меня дела?

Он улыбнулся.

– Сравнительно хорошо, тебе разрешили не участвовать на этих смотринах, но на следующих приказано быть.

– Следующих? – удивилась я. – Они же хотят найти жену ему на этих.

– Это они хотят, – жестом фокусника извлекая бутылку, произнес отец. – А двадцатидвухлетний мальчишка вряд ли захочет связываться с еще одним браком. Максимум – фавориток поменяет, – пробка вылетела с глухим звуком, и отец с видимым удовольствием отхлебнул прямо из горла.

Немного помолчали. Я видела, что он уставший, но любопытство жгло все сильнее.

– Расскажешь, как ты устроил мой обморок?

Он сделал еще один большой глоток, причмокнув губами, и посмотрел на меня сквозь бутылку.

– Не так давно вышел еще один эксперимент наших алхимиков. На этот раз они придумали лампу, которая будет обогревать комнаты за счет алхимических реакций помещенных внутри нее субстанций. Занятная вышла вещица, кабы не одно но. Эта лампа просто-таки поглощала окружающую влагу, если таковой поблизости не находилось, тянула ее прямо из воздуха. Так вот, если такую лапу активизировать на полную мощность рядом с человеком, то она резко сжирает всю влагу из воздуха в радиусе метра, чересчур резко повышается атмосферное давление, вследствие чего тебя бросает в жар, так как ты тоже отдаешь влагу, тебе становится внезапно плохо, и ты теряешь сознание.

Отец хитро подмигнул, но получив от меня укоризненный взгляд, виновато развел руками.

– Значит, ты активировал эту лампу?

– Две, – поправил Легард, – мне было важно, чтобы тебе наверняка стало плохо.

Я нахмурилась: то, что папа провернул это без моего ведома, мне не нравилось.

– А насчет рудников ты... – заикнулась я, но отец перебил утвердительным кивком.

– Да, я знал, что там метан, еще до того, как они пришли свататься.

Гордость за свою гениальность разом сникла.

– Тогда к чему был этот цирк? – глухо спросила я, стало обидно, будто в очередной раз щелкнул по носу, показав, что ничегошеньки ты еще не понимаешь во взрослых играх.

При виде моей обиженной физиономии отец рассмеялся. Отсалютовал мне бутылкой и сделал еще пару больших глотков.

– Давай-ка я расскажу тебе всю схему. О том, что к тебе рано или поздно посватается эта паскуда Родрик, я знал, ну в конце концов, это логично. Да и мои шпионы в Болотном не зря свой хлеб едят. Про рудники я тоже знал почти сразу после их закрытия. Конечно, союз с соседями выгоден, но не настолько, чтобы отдать им тебя, – многозначительный взгляд в мою сторону. – Но ссориться с ними тоже не резон, нужно найти повод отказать.

Анисия, жутко скрываясь, стремится поскорее избавиться от тебя и рассылает новость о том, что теперь ты можешь вступать в брак. Я, в свою очередь, делаю вид, что этого не знаю.

Князь Великих Болот действует строго по моему расчету, и отправляет поскорее сватов. В это же время я связываюсь с одним своим старым должником, он же по совместительству имперский посол. И он любезно соглашается предоставить мне услугу – не просто прислать приглашение на смотрины, а вручить его лично.

Нужная информация получена, время подгадано. И вуаля, – он сделал картинный жест рукой, – все как по нотам прошло.

Я лишь передернула плечами:

– Ты грандиозный лжец и манипулятор, – обида ушла на второй план, уступив место восхищению.

Отец расхохотался.

– Спасибо за комплимент, помни, моя дорогая, ложь – это искусство. И ты должна им владеть.

Он поднялся.

– С завтрашнего дня твои тренировки ужесточатся. Раз ты отправишься в тот террариум, я должен быть уверен, что ты сможешь постоять за себя. И еще, – он замялся, – этот цирк с Болотным княжеством нужен был, чтобы продемонстрировать всем – ты не бастард. Я не отдам тебя просто так замуж.

– Спасибо, папа! Странно, почему у меня бегут слезы?

Глава 7

Иногда я чувствую себя абсолютно пустой. Вроде бы ты зачем-то живешь, почему-то поднимаешься каждое утро с постели, спешишь по делам. Выполняешь четко поставленные задачи. Но порою бывают минуты, лично у меня это предрассветный час, когда ты уже не спишь, скорее, лежишь, дожидаясь времени, когда нужно встать и вот в это самое мгновение начинаешь думать. Может, не то что бы совсем мыслить, скорее, всплывает единственное слово. Зачем? И это слово тревожит глубоко спрятанные струны души. В голове пульсирует почти болезненное «зачем мне все это надо». Ведь это же моя жизнь, почему я не распоряжаюсь ей как хочу. И вот мелькнет эта крамольная мыслишка, и тут же дамокловым мечом повисает в сознание другое слово – ДОЛГ. Перед отцом, княжеством, королевством, бесконечное количество раз нужно оправдать чьи-то надежды, спутать карты, где-то пробиться вперед, а где-то не пустить туда других людей. И снова набатом в голове. Зачем? Оно мне надо?

Но простым отрицанием не отделаешься. Если это мне не надо, тогда что мне нужно?

Сначала в голове появляется сонм мыслей. Надо нового жеребца, маленький домик, где-то на берегу живописного озера, подальше от отцовского замка, надо ходить на охоту и сидеть мастерить темными зимними вечерами.

Такая красивая уютная мечта. Но ведь знаю же, надолго меня не хватит, захочется еще куда-то и зачем-то. Хочется, в принципе, понять, для чего боги послали нас в этот мир. И когда замахваешься на глобальное понимание вещей в мироздании, чувствуешь себя пустой. Потому что живешь по инерции, совершенно не представляя, куда и зачем ты двигаешься в этой жизни.

Я встала и подошла к окну, на горизонте только занимался рассвет. Весь вчерашний день я проспала. Меня не тревожили. В глазах молодой женщины не промелькнуло ничего, кроме боли, но золото приняла, забрала ребенка, скромные пожитки и уехала, я предоставила ей карету. Она не сказала мне ни слова. Осуждает? Проклинает? Или просто сердце болит так, что не в силах говорить? Не знаю. Жена погибшего солдата была единственной, кого мне хотелось вчера увидеть. Еще, быть может, Элизабет, но герцог утром увез ее в родовой замок. Допросов она так и не дождалась.

Мне было пусто, не грустно, а именно пусто. Из зеркала на меня смотрела молодая девушка с тяжелым взглядом ледяных глаз. Рядом крутился щенок, преданно заглядывая такими же ледяными глазами. И клинок, который всадила герцогиня, тоже вошёл в ледяной глаз Навей твари. У всех тварей Пустоши ледяные, хрустальные глаза, как у меня.

Я подхватила щенка на руки, он заворчал, выкручиваясь. Прядь моих волос упала на шерсть волка, хмыкнув, опустила щенка. Что и требовалось доказать, почти идентичный белоснежный цвет, такой же как у него. Вчера я чувствовала тварей. Я точно знала, где они кружат в снежном буране. И резко брошенное баронетом: «Вы сами как создание Пустоши», – попало не просто в цель, а ковырнуло то, что глубоко спрятано, про что не хочется даже думать. Я прикоснулась к зеркалу, девушка с белой, почти неестественной кожей повторила мой жест.

– Что же я такое?

Чувство надвигающейся беды появилось, стоило спуститься на тренировочную площадку. Мрачно сощурилась на прячущееся в тучах солнце. Либо у меня параноя, либо это изысканное издевательство богов.

– Ворон считаем? – Дрейк добродушно осклабился, приветливо махнул рукой, подходя ближе.

– Угу, ворон, родом с Пустоши, – не поддержала веселья. – Смотрю, откуда сегодня неприятность пожалует.

Дрейк посуровел, закинув клинок на плечо как дубину, укоризненно покачал головой:

– Наслышан о твоих подвигах. Но мы в крепости. Защиту храмовников тварям не пробить.

– Даже модифицированным? – уточнила я.

– Никаким, Кая, – ответил он твердо, но я уже увидела мелькнувшую едва заметную тень сомнения.

– Тревожно мне, Дрейк.

Воин ласково потрепал по голове:

– Раз тревожно, то будем ее изгонять, восемь кругов раньше бегала, да? – косая хитрая ухмылка прочертила лицо наставника. – Десять кругов вокруг крепости, бегом марш!

Мысленно помянула Хелла.

Пробежка и разминка прошли спокойно. А вот когда пришел черед полосы препятствий, меня как подменили. Я была рассеянной, несобранной, падала с бревна и не уклонялась вовремя от качающихся мешков. В очередной раз упав в песок, с облегчением ощутила влажный нос волчонка.

– Может, из-за тебя я сегодня так тревожусь, – легонько щелкнула его по носу, щенок возмущенно прикусил мне палец.

– Кая, задери тебя снежные звери! – Дрейк стоял метрах в пятнадцати от меня, на портике, и его сведенные к переносице брови и стиснутые кулаки не сулили мне ничего хорошего, собственно, как и гневные окрики. Он был зол и разочарован. Опять. Обычно для меня разочаровать наставника было самым страшным явлением, что угодно, лишь бы Дрейк гордился мной. Но сегодня что-то было не так. Опять. Сколько раз я повторила эту фразу «что-то не так» за последние три дня? Но тем не менее что-то поменялось. Во мне ли? В пространстве? Я нехотя поднялась и неспешной трусцой направилась к препятствию.

Обычная и привычная для меня вертикальная четырехметровая стена, на нее нужно залезть и аккуратно спуститься с другой стороны. Цеплялки-зацепы, держась за которые и можно на нее взобраться, Дрейк каждый раз завинчивает в разных местах, и порою замираешь в весьма странных позах, в попытке залезть.

Подгоняемая сочным словом наставника, я стала подниматься. Волчонок жалобно заскулил, поставив лапы на препятствие, но быстро сообразил, что можно оббежать. Я с сомнением проводила взглядом вихляющую мохнатую попу. Стена была длиной метров десять, чтобы ее одновременно могли проходить несколько солдат.

Аккуратно взялась за новый зацеп, подтянулась и задержала дыхание, Дрейк бесконечное число раз ругался на меня из-за этих задержек, они сбивают дыхание, отвлекают. Но сейчас именно из-за этого я уловила едва различимый скрип.

Возможно, в другой раз я бы не обратила на него внимания, но сейчас, когда сознание звинчено паранойей, мозг сработал быстро. Там с другой стороны стены так называемые зыбучие пески. Тщательно спрессованная и перемешанная грязь с глиной, неаккуратно попадая в которую, ты рискуешь встрять по колено. Если волчонок туда попадет, а он попадет, то он там застрянет, несильно, конечно, но быстро убежать не сможет. А если стена... Все эти мысли пронеслись со скоростью молнии. Мохнатый хвост еще не успел скрыться за стеной, когда я заорала:

– Дым, ко мне, ко мне, Дым! – и резко оттолкнувшись от стены, спрыгнула на землю. Волчонок, привлеченный моим криком, остановился, увидев меня на земле, бросился ко мне. В то время как стена, получив внушительный импульс от моего прыжка, с глухим скрипом завалилась на зыбучие пески, подняв в воздух целую пыльную бурю.

– Зато имя тебе придумала, – мрачно прокомментировала я, подхватывая на руки зверя.

Дрейк уже был рядом, он ничего не сказал, присел, рассматривая подпорки, трогая пальцем аккуратный спил.

– Говорила же тебе, тревожно что-то – буркнула я, рассматривая такие же подпилы на всех подпорках.

Дрейк покачал головой в ответ:

– От такого падения не убила бы, так, кувырок с группировкой потренировала бы.

Я усмехнулась, указывая на волчонка:

– Встрял бы в песках, не успел бы убежать, и прихлопнула бы его стена наверняка. Угадай, кому это так мешает мой волк, на букву «А» начинается на «Я» заканчивается?

Дрейк только сильнее нахмурился:

– Ты погоду обвинениями швыряться.

Я махнула в ответ рукой:

– Какое швыряться, даже отцу говорить не буду, бессмысленно.

Наставник задумчиво пощипал себя за бороду, отстранённо меня рассматривая.

– Слишком горяча, – протянул медленно, склонив голову набок. – В этом твоя ошибка, ты предпочитаешь действовать быстро. А быстрота хороша вон там, – он кивнул на полосу препятствия. – Начинать уже думать как княжна, а не как воин-рубака, – с этими словами мужчина ловко поднялся и молча направился в сторону тренировочной площадки, где лежали клинки. Дальнейшая тренировка прошла так же молча и ожесточённо. Уже в конце, когда я вытирала пот со лба, Дрейк невзначай обронил:

– Я не скажу сейчас невиданную истину, – он сделал паузу, подхватил клинки, – выдержаннее хорошего вина может быть только мечь.

– Кая, – преподаватель орфографии аккуратно постучал по столу карандашом. – Как называется то облако, на которое улетел ваш мечущийся разум, и что вы усвоили из материала, который я вам излагаю?

Мечь – мое облако называлось так. Но преподавателю я вымучено улыбнулась, извинилась и заверила, что материал о значимости происхождения слов и коварности подмены понятий я усвоила.

Мечь. Я катала слово на языке, пробовала на вкус. Даже залезла в словарь посмотреть значение, вдохновленная темой лекции. Там говорилось, что произошло оно от древнего слова *mitha* – взаимный. Мечь буквально означала возмещение. И это наводило на мысли, как я могу возместить три покушения, оторванную голову и молчаливые слезы в женских глазах. Анисию нужно наказать. Эта мысль окончательно оформилась после сегодняшнего происшествия. Да, я знала, что ситуация с отравлением стражника неоднозначная, не доказана и вина Анисии в подпиле стены, но было еще отравленное мясо, а тут даже отец не сомневался, кто это устроил. Я была уверена практически на сто процентов, что эта стервь приложила и к другим покушениям свою холеную ручку. К тому же сегодня после тренировки я отправилась не в купальню...

Лучи солнца подсвечивали кристально чистый лёд озера, казалось, будто это бездонный голубой кристалл. Я вздохнула и поправила сбившуюся от быстрой езды шапочку, очень жаль, что я не художник. Поразительная бы вышла картина. Сверху негромко заржал жеребец, звякнула сбруя. Я предупреждающе оглянулась, стражник застыл на краю обрыва. Различить мой раздражённый взгляд вряд ли было реально. Но страж все понял и с обрыва ушёл. Все в крепости знали, что у княжны есть свои странности, например, это озеро. Его я любила нежной трепетной любовью, летом купалась, зимой смотрела на лёд, и никто не смел меня в эти мгновения тревожить, иначе я приходила в ярость. Вот и сейчас стражники не смели последовать за мной, хотя периметр вокруг озера проверили. Я спустилась ниже, совсем скрываясь с глаз моих спутников. Прошла у кромки замёрзшей воды и присела рядом с большими валунами, ещё раз осмотрела пространство и негромко свистнула.

– Здесь я, – раздалось сзади, я не обернулась. Молча, не оглядываясь, сунула в небольшую расщелину мешочек с золотыми, в ответ мне протянули тугую папку.

– В двух словах, – прошептала я. Из расщелины донеслась возня.

– Служанка ее в тот вечер к знахарке ходила, за кремами вроде как. Траву эту могла у неё взять. Но тайная канцелярия перерыла уже все щели в доме у знахарки, нашли много чего запрещённого, но следов травы не было.

– Откуда знаешь?

– Так клиентки жалуются, что без специальных ингредиентов крема теперь не работают. А работники тайной все мнутя возле дома, не похоже, что нашли что-то, наших даже привлекли, – голос замолчал, на мгновения послышался звук остервенелого почёсывания, и он продолжил. – А наши-то что, мы к этому делу носа не подтачивали, слишком все быстро для нас раскрутилось.

– С алхимическим дурманом что?

Позади сокрушённо вздохнули.

– Проклятый Рихард, чтобы его твари драли, заморозил рынок. Нос ищеек в каждой алхимической колбе. Не произведёшь, не продашь. Всех зависимых в городе проверили, из производителей человек пять в казематы зашвырнули. Цена на наркотик взлетела баснословно.

Я заинтересована хмыкнула.

– И что, есть покупатели?

Сзади опять завозились.

– Всегда есть покупатель, если товар хороший.

– Кто?

– Обижаете, я деловой человек, а не гнида паскудная.

Я в ответ только зубами скрипнула, проклятый кодекс. Не скажет ничего, крупных клиентов они не выдают. А действовать методами тайной канцелярии я не могу. Пока не могу.

– Что, действительно хороший?

– Обижаете, – причмокнул он губами, – но вам не продам, даже не спрашивайте.

– Я хорошо заплачу.

За спиной крякнули.

– Не умеете вы деньги считать, одна выгодная сделка не перекроит доход от всего дела.

Мы лучше помаленьку, своими силами, вы-то зависимой не станете.

Сверху послышался шум, видимо, стражники волновались, что меня долго не видно.

– Почему не стану? – быстро спросила.

– Так всем известно, что Пустошь у вас в крови, – раздался звук осыпающихся камней, человек уходил.

Я заволновалась, второй раз выйти на него будет сложно, а он явно знает очень важное.

– Стой, – прошипела я. Невдалеке зарычал Дым, которому я велела охранять. – При чем здесь Пустошь?

Судя по звуку, человек замер.

– Рычит зверюга ваша, а коли вы ещё каких тварей приручите?

– Княжна!!! – послышалось обеспокоенное. Я все же не удержалась и оглянулась. Позади меня был развал камней, обрыв скалы и небольшая расщелина в ней, тупик, некуда уходить, но люди этой гильдии всегда умудряются раствориться в темноте.

– Княжна! – рядом появился запыхавшийся стражник, второй чуть поодаль стоял с оголённым клинком и настороженно косился на рычащего Дыма.

Я раздражённо поднялась, отряхнула штаны.

– Что непонятного в приказе не беспокоить!

– Мы думали, случилось что, – проямлил стражник, убирая клинок.

– В следующий раз не думай! За вас это делаю я! – я сунула руки в карманы, так, чтобы стражники, не обратили внимания на тугой свёрток у меня под одеждой, махнула волку и быстро пошла вверх. Позади слышалось шумное дыхание стражи.

Я уже как-то раз размышляла, что можно в бездну Пустоши, уволить большую часть охранников и на их место взять головорезов ночной гильдии, толку будет больше. Но с другой стороны, как только головорезы пригреются на хозяйских харчах крепости, они тут же потеряют свою хватку и превратятся в обычных стражников. Тут ведь как у животных, если ты живешь в диких условиях леса или тущоб, ты всегда начеку, подмечаешь любую деталь, твоя жизнь в опасности, а потому ты на пределе. Отсюда и эффективность ночной гильдии. Просто замкнутый круг. Хеллов уроборос с картинок древних алхимиков.

– А некоторые слова, княжна! – преподаватель грохнул передо мной книгой. – И вовсе меняют значение. Будьте особенно внимательны, наши жаргонизмы зачастую не совпадают с теми, что используют на юге.

Я старательно кивнула, тема сегодняшней лекции проходила мимо.

Свиток я прочла сразу, как оказалась в своих покоях.

Сухой отчет практически пошаговых действий Анисии в тот день, когда мы с отцом принесли волка в дом. Она разговаривала лишь со служанкой, попросив ту принести новые притирки для лица. А также с лекарем, после того как служанка вернулась, он заходил в покои княгини и сделал настойку от мигрени. Больше в тот вечер княгиня ни с кем не контактировала. А вот ее личная служанка повстречала многих людей. Все они были отмечены в списке вместе с короткими диалогами, которыми обменялись со служанкой. И лишь один из них мои дознаватели подчеркнули красным. По возвращении в крепость служанка зашла к княгине, отдала покупки и отправилась к лекарю.

«Госпожа желает навести марафет, но у нее болит голова и она нуждается в вашей помощи», – эта фраза была подчеркнута, и возле нее стояло два восклицательных знака.

Я перечитала ее с десятков раз. Почему ночная гильдия посчитала ее ключевой в том дне? Да, звучит странно, но не сказать чтобы очень.

Пока из того, что предоставила гильдия, вырисовывалось, что не только Анисия замешана в событиях той ночи, а есть некая третья сторона.

За размышлениями взгляд рассеянно мазнул по окну, и я мысленно усмехнулась. Урок орфографии был загублен окончательно.

Три женщин замерли посреди двора, оживленно беседуя. Идеальная осанка, безукоризненные жесты, аккуратно завитые локоны ниспадают на светлый мех шубки.

В мою руку ложится лук, его приятная тяжесть бодрит, я ласково провожу рукой по тетиве, идеально натянута. Длинная аккуратная стрела, она взлетает моментально, щекоча своим белым оперением ухо. Я задерживаю дыхание, поводя луком и поймав ритм, отпускаю стрелу. Она пробивает окно, поправка на ветер взята правильно, один взлет моих ресниц, и вот уже белое оперение нежно колышется в груди, красиво контрастируя на темно-розовом платье. Стрела пробила ее грудь на вылет, это мгновение она еще стоит, но вот в следующее должна уже упасть, чтобы никогда не подняться.

Я моргнула.

Женщины неспешно двигались в сторону сада, уходя из моего поля зрения.

«Ненависть – приставки: не-,на-; корень: -висть-. Происходит от глагола видеть. Ненавидеть – сознательно не видеть объект сильных негативных эмоций».

Я закрыла книгу, не видеть Анисию хотелось сильно. Сначала «возместить», а потом «не видеть».

Только сделать это нужно так, чтобы мое участие доказать было невозможно и при этом не убить ее. Змеюка воздействует на меня через третьих лиц в попытке навредить Дыму, един-

ственному близкому мне существу. На этом моменте мысль замерла, я похолодела, руки покрылись «гусиной кожей».

Единственно близкое существо – создание Пустоши. Я тихонько перевела дыхание. Волк лежал рядом, периодически заинтересованно поглядывая на ноги преподавателя, когда тот проходил мимо, чем явно его нервировал. Прикрыла глаза, прислушиваясь к себе. Дым ощущался продолжением меня, он был моей частью.

– Княжна, с вами все в порядке?

Я вытерла со лба испарину. В порядке? Очень в этом не уверена.

– На тренировке переутомилась, все хорошо, продолжайте.

Преподаватель покосился на меня с сомнением.

«А коли вы еще каких тварей приручите». Мое сознание категорично вычеркивало из головы смысл этих слов. Но, в конце концов, это же логично! Если у меня есть ручной сумеречный волк, то что мешает мне приручить других тварей?

Случайность! Пустошь их всех заберит! Случайность мне мешает, то, что мы встретили щенка сумеречного волка и смогли привязать ко мне, – чистой воды случайность, на моем месте мог оказаться любой другой!

Сердце пропустило удар, грудная клетка наполнилась вязкой, но в тоже время колющей тревогой. Резко заныла голова в височной доле и захотелось спать. Что угодно, только не эти мысли.

Песнь Пустоши, я ведь слышала ее, не просто слышала, ощущала всем существом так же, как чувствую Дыма.

«Так всем известно, что Пустошь у вас в крови». Перед глазами поплыли разноцветные круги, отчаянно звенело на задворках сознания.

Кто эти все? И почему это неизвестно мне? С другой стороны, эти «все» и могут быть третьей стороной, которая опасается моих мнимых способностей.

Или не мнимых?

Мерзкий, едкий запах заполнил пространство, я тряхнула головой, возвращая себя в реальность.

Бледный преподаватель тыкал мне под нос лоскутом ткани, вымоченным в специальном сильно пахнущем растворе, для приведения в чувства.

Я отстранилась, убирая его руку, он облегченно вздохнул.

– Княжна, я позову лекаря, вам стало дурно.

– Не нужно лекаря! – ответила резче, чем нужно. – Достаточно, чтобы меня проводил к покоям охранник, – улыбнулась, смягчая слова. Преподаватель покачал головой, шумно сглотнул и позвал охрану.

Лекарь всё-таки пришел. Мысленно похвалила себя, что успела листы отчета гильдии аккуратно прикрепить к листам книги. Сейчас я спокойно закрыла талмуд по географии империи и отложила его в сторону.

– Мне передали, что вы едва не потеряли сознание на занятии, – сэр Ревье аккуратно разложил свои инструменты для обследования. Я невольно отметила, с какой педантичной аккуратностью они у него сложены.

– Не уверена, что это стоит вашего внимания, я просто не выпалась.

Он чуть поджал губы, взял инструмент для прослушивания легких и подошел ко мне.

– И все же, княжна, я позволю себе настоять и проверить ваше состояние.

Я равнодушно пожала плечами и позволила лекарю себя осмотреть. Стерильный. Другие эпитеты в отношении этого человека в голову не приходили. Относительно молодой мужчина, может, тридцати пяти лет, а может, и сорока пяти. С ровной кожей, приятными чертами лица. Волосы русые, коротко стриженные, глаза блекло-зеленого цвета. Ногти коротко и аккуратно

подстрижены, руки нежные. Лицо – будто застывшее в одной серьезно сосредоточенной grimace. Я не видела его улыбающимся.

– Легкие чистые, давление в норме, померяйте еще температуру, – голос тоже в одной вежливо рабочей тональности. А еще от него пахло этой стерильностью, будто он не только инструменты постоянно обрабатывает, но и себя.

– Что же, действительно, внешних признаков заболевания нет, – кивнул он. – Но я бы вам настоятельно не рекомендовал покидать своих покоев и хорошенько отдохнуть. А также снизить нагрузку. Я передам князю, что рекомендую вам сегодня не покидать своих покоев.

У него едва заметно дрожала вена на шее, так, будто шея была спазмирована напряжением.

Я медленно кивнула, не спуская с него взгляда.

Анисия в тот вечер разговаривала со служанкой и лекарем. Фразу служанки темная гильдия посчитала важной.

– Да, вы правы, – так же медленно протянула я. – В конце концов, мне нужно навести марафет.

Сэр Ревье стоял ко мне спиной, собирая инструменты, поэтому я отчетливо увидела, как сначала напряглись его плечи, а потом из-за неловкого движения он уронил один из инструментов, металлический предмет громко звякнул о пол. Он быстро поднял его, сунул не глядя и поспешно закрыл сумку. Развернувшись, лекарь сконфужено улыбнулся, вена на шее билась очень быстро.

– Мудрое решение, княжна, – невпопад ответил он. Я успела уловить его взволнованный взгляд в сторону. – Хорошего отдыха, – быстро поклонился сэр Ревье и так же быстро прикрыл за собой дверь.

Я шумно выдохнула, только сейчас сообразив, что невольно удерживала дыхание, стараюсь не пропустить ни одной его реакции.

– На что же ты так нервно посматривал?

Я встала на место, где только что находился лекарь, и повторила движение его глаз. В этой части комнаты располагался небольшой столик с зеркалом, на нем красиво расставлены притирания для лица и волос. Взгляд уперся в абжур со свечами. Свечи были едва прогоревшими. Вроде бы вчера прислуга зажигала, но я была такой уставшей, что потушила их почти сразу и легла спать. Свечи я любила, вычурные подсвечники стояли по всей комнате. Взвесила свечу в руке, покрутила. Что с ней может быть не так? Выглядит как обычная свеча, из измененного алхимического воска, чтобы не чадила. Странно. Я покрутила ее еще немного, рассматривая, принялась, даже на вкус попробовала – ничего. Может, он не на свечи смотрел? Я вновь встала в позицию лекаря, повторила взгляд. Абжур со свечами был единственным, что приковывало взгляд. Но я все же проверила все предметы, стоящие на столике, даже ощупала сам столик и простучала зеркало. Запах одного из содержимого скляночки показался подозрительным.

– Дым! – щенок спрыгнул с дивана и подбежал ко мне, я сунула ему под нос свечу. Волк принялся, а затем звонко чихнул и еще раз.

– Странно, – повторила вслух и сунула под нос подозрительную мазь. Щенок долго ее нюхал, но лишь ухом дернул и завилял хвостом.

Что может быть не так со свечами?

– Пойдем-ка, малыш, прогуляемся, чувствую, нас ждет занимательная алхимия.

Глава 8

– Что-нибудь чувствуете?

Я старательно потянула носом воздух, приятно пах травами отвар, будоражила аппетит пышная сдоба, мягкий запах лечебных снадобий пропитывал пространство, его можно было раскладывать на сотни элементов, но чем-то особым от свечи не пахло.

Я отрицательно покачала головой. Тоби кивнул.

– Ладно, подождем, пусть погорит пока.

Он вновь склонился над рабочим столом, тщательно рассматривая практически препарированную свечу.

– С другой стороны, княжна, у вас ведь действительно удивительно закаленный организм. А ну-ка, припомните, когда вы в последний раз простудой болели?

Я с наслаждением отпила душистого отвара. Тоби был прав. Я не болела, единственные неприятности, которые со мной случались, – это в походах с отцом. Ногу подвернула, с лошади упала, вариантов получения травм было множество. И всегда рядом военный врач. С сэром Ревье я виделась только на обследованиях.

– Тоби, а почему я не болею?

Лекарь разогнулся, взглянул на меня из-под приспущенных очков.

– Наследственность хорошая, организм молодой и сильный – в князя пошли.

– Да, но и отец болеет, и Кассий, и та же Анисия, а я нет, – в отваре четче зазвучали кислые нотки.

– Благодарите Пресветлых, княжна, что у вас такое изумительное здоровье.

– Да, но... – я накрутила на палец абсолютно седую прядь, даже без намека на пигмент, и продемонстрировала лекарю свое «но».

Тот пожал плечами:

– Вспомните наших северных рысаков, заводчики породы – это альбиносы. Возможно, в отсутствии цвета есть особый природный смысл этой местности. В свече явно что-то подмешено, – сменил тему лекарь, – но я пока не могу разобрать что. Признаться, раньше не доводилось так тщательно рассматривать алхимические свечи, возможно, для них эти темные вкрапления и есть норма, – лекарь еще бормотал себе под нос. Соленая слюна наполнила рот. Я сглотнула, отпилапряного отвара, но во рту вновь растекалась соленая горечь.

– Тоби, ты, – я запнулась на полуслове. Тоби уже измельчил свечу в порошок и продолжил крошить дальше теперь уже травы, которые он использовал для отвара. Лекарь, не останавливаясь, вел диалог, только очень тихо, скомкивая слова до едва понятных звуков. Он постоянно наклонялся, вдыхая измельченный порошок и без остановки крошил, его скальпель двигался практически с запредельной скоростью.

– Тоби, что ты, – я подскочила, пол подомной изогнулся, неловко взмахнула руками, стараясь удержать равновесие.

– Проклятье Пустоши! – сначала по изогнутому полу пробежали трещины, разветвились на тысячи рукавов и лопнули расширяясь. Из трещин медленно сочилась вязкая слизь, с каждой секундой ускоряясь, и вот эта бурая субстанция уже выливается пульсирующим потоком. Я вскочила на кресло, до окна было слишком далеко, можно попробовать добраться к двери. Ножки кресла обугливались, оно опасно качалось. Субстанции становилось все больше. Я перепрыгнула на маленький чайный столик, стекло подомной хрустнуло, ажурные чашечки исчезли в бурлящей жиже без всплеска. Со столика прыгнула на второе кресло, от инерции оно покачнулась, падая, я едва успела прыгнуть на тумбу у стены, сбивая все колбы. Ногой задела мерзкую жижу, ступня взорвалась болью, балансируя на одной ноге, стянула обугленный ботинок. Обувь бесследно исчезла в мутном месиве. По руке стекала кровь, уже равнодушно посмотрела

на рану, вытянула самый большой осколок и выкинула прочь. Кровь теплой стружкой сбегала вниз. Я даже не попыталась перевязать рану. К чему, если мы обречены?

Бесшумно обрушился пол слева у стены, там, где изгиб был круче всего. Сначала появилось небольшое отверстие, но вот с каждым пульсом вытекающей из моей раны крови оно стало шириться. Кладка пола бесшумно уходила в бездну, мерзкая слизь стала стекать туда же. Я встрепенулась, может быть, все же успеем добраться к двери.

– Тоби, бежим! Пустошь пробил щит храмовников! – я прокричала это на ходу, перепрыгивая на рабочий стол лекаря, его самого я не видела.

– Если измельчить все в первозданную пыль, – его огромный нож мелькнул в сантиметре от моей ноги, – может быть, я смогу найти первоэлемент, ведь должна же быть частица, из которой боги нас создали?

– Какие боги! Тоби! Мы сейчас умрем, к черту эту свечку, побежали!

– Побег в сути своей бесполезное занятие, ты все равно не можешь сдвинуться с мертвой точки константы своего сознания. Бежать от чего? От инстинктов, заложенных природой в наш мозг, или от напыления культуры, которое мы зовем самосознанием?

Я уклонилась от огромного тесака, он рубил уже стол. Кресло, место моего недавнего укрытия, уже ухнуло в пропасть. Я в ужасе встряхнула лекаря за плечи, пачкая в своей крови.

– Нужно БЕЖАТЬ!

– Некуда бежать в бесконечной пустоте, – он обреченно вздохнул, убирая мои руки. – Открой глаза, здесь ничего нет. Ты же видишь, я измельчаю, измельчаю, и что в итоге? ПУСТОТА. Лишь воображение пространства. Если посмотреть вокруг, здесь ничего нет! И никого нет! И меня тоже нет! Я улетевшая мысль отзвучавшего света.

Его очки покрылись миллиардом трещин, я смотрела на них в ужасе, боясь, что вот сейчас они лопнут, и из них тоже побежит эта мерзкая все разъедающая слизь.

– Тоби, – почти простонала я. Мы не успевали, бездна ширилась быстро.

– Включи на максимум ретранслятор в своей голове, он способен ловить лишь заданные узконаправленные волны, преобразая энергию, превращая в то, что ты называешь реальностью. Наши реальности никогда не совпадут! Каждый мозг – ретранслятор, работает со своей погрешностью. Тебе никогда не увидеть реальность. Тебе не увидеть даже реальность другого ретранслятора. Мы все в пустоте.

Его очки лопнули, разлетаясь на миллиарды крошечных осколков. Стол провалился в бездну, туда же улетел и гигантский тесак лекаря.

Глаза мужчины светились кристально-голубым светом пустоши, он улыбался. Осыпалась кладка перед нами. Из бездны бил белый свет, и сквозь этот свет ко мне шел волк. По-прежнему в бездонную воронку сыпалось все пространство, но на Дыма эти законы не действовали, волк уверенно шел ко мне через пустоту, в его зубах была потухшая свеча.

– Дым! – успела прокричать я, прежде чем пол подо мной осыпался, и я провалилась в белое ничто.

– С ней все в порядке, только рука повреждена, – голос отдалился. К постели подошел кто-то еще.

– А ее сознание? – это отец, в его голосе слышно беспокойство.

– Внешних признаков тревожности нет, она спокойно спит, зрачки реагируют на свет, дыхание в норме. После такого отравления нормальный человек приходит в себя около двух суток. Более точное заключение смогу дать когда она очнется.

– Тоби? – спросил отец.

В голосе незнакомца послышалась задумчивость:

– С Тоби хуже. Он беспокоен, бредит, его лихорадит. Пока также не могу сказать ничего конкретного, но скорее всего, предстоит длительное лечение.

За дверью раздались звуки возни и сдавленные крики.

– Да чтоб вас твари драли, – прорычал отец. – Что там опять случилось?

Я уловила звук тяжелых шагов и открывшейся двери. За ней слышался топот и рык.

– Волк, сир, – виновато произнес один из охранников. – Он больше не хочет сидеть смирно и рвется в покои к княжне.

Раздался предостерегающий рык.

– Видите, он рычит и не дается, будто взбесился. Что прикажете с ним делать?

Сердце пропустило удар. Видимо, пора прекращать разыгрывать беспамятство и время вмешаться.

– Размотайте его из гардины и верните ее на место, нечего мне имущество портить, а волка пустите к дочке.

– Сэр, но он скалится и бросается.

– Если меня бы кутали в гардины, я тоже был бы не рад.

Вновь послышалась возня. Быстрый стук лап, и вот уже заметно потяжелевший волк запрыгнул на кровать.

– Князь, – запнулся голос, видимо, нашего нового лекаря. – Ей сейчас необходим покой.

– Вот и оставим их вдвоем, – хмыкнул отец.

Врач еще задержался, гремя склянками, спустя минут десять они вместе вышли из покоев.

Я открыла глаза только когда перестала различать звук их шагов.

Два кристалла прозрачных глаз смотрели весело. Я тоже невольно улыбнулась, пригладив белую шерстку.

– Ты почувствовал, что я пришла в себя?

Дым смешно дернул ухом в ответ.

– Мне еще нельзя показывать, что со мной все хорошо, наверное, нельзя.

Я усмехнулась. Слишком все странно закручивается. Ощущение, что со мной не все в порядке накрыло надежнее северного льда, сковывающего землю.

– Давай не будем добавлять это в копилку моих странностей, – шепнула я волку. В глазах его читалось понимание. И это меня пугало внешне, но на самом деле внутренне я ликовала.

Чему только?

Официально в себя я пришла через сутки, вялым голосом ответила новому лекарю, что все хорошо. Попросила книгу.

Позже пришел отец.

Он зашел спешно, порывисто обнял, нос защекотал запах свежести.

– Ты меня так, льдинка, не пугай, – улыбаясь пожурил он.

Я улыбнулась в ответ:

– Расскажешь, что произошло?

Отец шелкнул меня по носу.

– Кое-кто засунул свой любопытный нос, куда не следовало. Рихард сейчас носится в мыле, в попытке поймать улизнувшего лекаря и более полно восстановить ход событий.

– Я его спугнула?

Отец невесело усмехнулся и сел в кресло.

– Похоже на то. Пока нечего тебе сказать. Завтра, скорее всего, будем устраивать разбор полетов, – он погладил меня по руке. – Сможешь на нем быть, или тебе еще нужно время оправиться? Врач уверяет меня, что отравление было сильным.

На самом деле я уже и сейчас чувствовала себя превосходно, но лишний день отдыха не помешает.

– Да, отец, смогу. Иначе хуже отравления меня съест беспокойство и любопытство.

Он кивнул:

– Тогда не грусти и лохматому своему скажи, чтобы служанок не пугал.

Дым в этот момент совершенно невинно смотрел в окно.

Я рассмеялась.

Последующие сутки отдыха позволили немного разложить мысли по полочкам и вновь вернуться к образу несколько надменной княжны.

– Белладонна, – Рихард положил передо мной веточку сухого растения. – белена, – рядом легла вторая веточка, – дурман-трава, – третья, – и алхимический концентрат с совершенно секретнейшим составом, – маленький пузырёк он опустил с грохотом. Я поморщилась и поправила сбившиеся бинты на поврежденной руке.

– Больше полугода поисков! Аккуратное внедрение в сеть! Чтобы что! – начальник тайной канцелярии не кричал, даже не повышал голос, но от его медленной чеканки слов воздух дрожал от напряжения. Могу представить, какой ужас наводит подобный тон на его подчиненных.

– Присядьте, граф Рихард, выпейте воды, переведите дух и осознайте свою ошибку, – спокойно отозвалась я. Рядом тихо хмыкнул отец, набивая трубку. Перестал расхаживать из стороны в сторону начальник тайной канцелярии.

– Ошибку? – переспросил он.

– Ну конечно, – я вольготнее расположилась в кресле, продолжая баюкать раненую руку. Рваная рана доставляла сильный дискомфорт.

– Если вы в своих тщательных планах не сделали поправку на меня, то значит, план был не таким уж и тщательным.

Рихард обменялся взглядом с отцом. Я равнодушно пожала плечами.

– Это же логично, если я воспитываюсь не совсем как леди, что вам известно, обладаю некой властью, то в ситуации, касающейся меня лично, мне же лично и захочется разобраться, используя приобретенные навыки. Так что мое незапланированное вмешательство – это ваша ошибка Рихард. Теперь вам нужно отчитаться об этой оплошности князю.

Граф склонил голову набок, в его прищуренном взгляде читалось желание дать мне по заднице. Я насмешливо усмехнулась, прекрасно понимая, что не в его власти меня наказывать, уже не в его власти. И это чувство своих расширенных свобод меня пьянило.

– Можно не прямо сейчас, подготовьтесь заранее, – милостиво кивнула. В руках у меня вновь была кружка с горячим отваром, успокоительным. Наш новый лекарь в приказном тоне заставил его пить. И теперь, когда я делала глоток, у меня был лишь один страх – почувствовать вновь этот мерзко соленый вкус.

– А пока продолжите тему с травами, – я несколько небрежно отсалютовала Рихарду кружкой. Выдержке графа можно было позавидовать. На его лице не дрогнул ни один мускул, ни одного маскирующего гнев жеста не сделал, ну, может, лицо выглядело более напряженным. Отец по-прежнему не вмешивался, сидел возле камина и курил, на этот раз обычный табак, без всяких дурманов.

– Вышеперечисленные растения в большой концентрации являются опасными ядами. Они крайне ядовиты и просто сами по себе, а в приготовленной злоумышленником смеси дают сильный галлюциногенный эффект. Вплоть до полного разрушения психики, – граф сделал красноречивую паузу. Я равнодушно отпила отвар.

Тоби был до сих пор в изоляторе, его состоянию улучшалось, в отличие от стражника, который пострадал первым в ту ночь, когда у меня появился Дым.

– Вам очень повезло, что во время того, как вы громили комнату, случайно затушили свечу, и дважды повезло, что стражники, привлеченные странным шумом, пришли к вам раньше, чем вы истекли кровью.

Я позволила себе раздраженно цокнуть.

– Рихард, это вам повезло. Что эти треклятые свечи в моей комнате не горели. Сошедшая с ума княжна, по вашему недосмотру, была бы куда большей проблема, чем развал агентурной сети наркоторговцев.

– Это не просто наркоторговцы, – начальник тайной усталое сел в кресло напротив. – Это целая секта, недавно образованная. Большая и пользующаяся крупной поддержкой секта, с совершенно неясными для меня целями. И у них слишком быстро появляются последователи. В своих религиозных проповедях они не гнушаются использовать дурманящие вещества и различные новые достижения техников.

Именно они сгенерировали новые наркотики, они запустили их на рынок. Они подбросили вам ту траву, каким-то чудом предугадав появление у вас волка. Они замешены в ряде политических дряг. В целой серии убийств и еще не пойми сколько краж. Они могут быть катализатором целого ряда нежелательных для Севера конфликтов, – он расстроено махнул рукой.

– Вы выяснили, из чего сделан новый наркотик?

Рихард задумчиво постучал пальцами по столешнице.

– Пока нет, разбираемся. Но ни с чем подобным мы раньше не встречались.

Я задумчиво посмотрела в огонь, мысль, пришедшая в голову, пугала меня сама.

– Скажите, проблема с исследованием наркотика в том, что вы не знаете, как безопасно изучать последствия его употребления?

Рихард бросил взгляд на князя, отец подпер голову рукой и внимательно смотрел на меня, очень внимательно. Я знаю этот взгляд, обычно он означает, что отец недоволен. Я тряхнула головой, ну нет, кто-то же должен это сказать.

– То, что было в свечке, это не наркотик, это нечто иное, ни один зависимый это употреблять не будет, слишком опасно.

Рихард вздохнул:

– Да, мы пока не можем полноценно изучить вещество, оно слишком опасно для людей.

Я кивнула, так и думала.

– Используйте преступников, шпионов других княжеств. Ну что вы так смотрите, граф! Если эта секта не гнушается, то как мы можем, проявляя неуместный гуманизм, позволять быть на шаг впереди!

Вместо Рихарда ответил отец.

– Потому что Север не просто так является автономным княжеством. Мы на шаг впереди от системы управления, принятой в Империи. У нас человеческая жизнь имеет значение – и это один из столпов нашего успеха. Кая, я понимаю твой гнев, мы получим все необходимые сведения иными методами, – последние слова отец выделил интонацией, затем откинулся в кресле перевел взгляд в камин и уже тише произнес. – Играющий по чужим правилам рискует проиграть, так как никогда не знает, в какой момент правила игры изменятся. Это не гуманизм, Кая, это свои правила игры, которые противники ошибочно могут принимать за слабость.

Повисла пауза, мне стало стыдно за свои слова, но несильно, я по-прежнему считала, что крайние меры порою необходимы.

– Вы полезли с вопросами к ночной гильдии, – прервал тишину Рихард, видимо, стремясь вернуть разговор в первичное русло, избегая шаткой темы моральности поступков правителей.

– Там сейчас из-за этой секты крупный передел власти, все на виду. Спугнули их. Еще Ревье успел сбежать. Мы должны были его взять, он был нашей путевой нитью в этом клубке.

– То есть вы знали, что наш семейный врач – агент этой вашей секты?

Рихард поморщился:

– Подозревали, нужно было больше доказательств, чтобы его взять.

Я кивнула.

– То есть то, что Анисия к этому причастна, вы тоже знаете?

– Ни единого намека на ее причастность нет, – сухо ответил начальник тайной.

Я лишь закатила глаза и поднялась.

– Отец, позволь, я пойду. А то насыщенная выдалась неделя. Но главное – Анисия ко всему этому не причастна! Мне нужно подготовиться, а то что у нас там за следующее покушение по расписанию? Уточни, пожалуйста, у своей жены!

Отец мой выпад встретил с улыбкой.

– Твой день рождения по расписанию, можешь начинать готовиться, – он выдохнул в камин клуб сизого дыма. – Обвиняя, приводи доказательства. Но пока поумерь свой пыл, тайной канцелярии и так есть чем заняться. Твое совершеннолетие должно пройти без эксцессов.

– Оно ведь только через три недели.

– И я о том же, Кая, давай эти три недели проведем спокойно.

– Ты говоришь так, будто это я была инициатором всех событий.

Князь потушил сигарету и тоже поднялся.

– Милая, ты отлично со всем справилась так, как и должна справляться княжна. Ну, разве что, – он покосился на Рихарда, – не все ситуации решаются в одиночку. Я лишь прошу, чтобы никаких эксцессов с твоей стороны не было и впредь.

Я негромко засмеялась, граф отвел взгляд в сторону.

– Все-таки в чем-то она виновата. Не переживайте, я не буду мстить, – «пока не буду мстить», улыбнулась мысленно.

– И расследованием секты тоже не занимайся, пожалуйста, – попросил отец.

– И производителей этих свечей не ищи, – добавил Рихард.

Я сделала реверанс:

– Видимо, мне пора осваивать вышивку.

Я уже была в дверях, когда отец негромко обронил:

– На твое совершеннолетие придет одна из Теней Императора.

Я споткнулась:

– Что???!!

– Очень важно, Кая, чтобы все прошло гладко.

– Ситуация с сектой достигла уровня, когда нам нужна помощь столицы, – тихо добавил

Рихард.

У меня закружилась голова:

– Я постараюсь.

Глава 9

Дочка повара на пару со своей подружкой послушно улепетывали мясо по утрам. В обед они весело щебетали о сплетнях на кухне, а вечером пробовали еду Дыма и шли спать. Я с ними подружилась, две маленькие крохи больше походили на моих фрейлин, чем герцогиня и баронесса, которые заходили периодически на чай и под мрачным взглядом маркизы то разливали, то роняли кружечки, то еще как находили приключения в моей маленькой и со всех сторон защищённой гостиной. Отец удовлетворил мой запрос о вышивке. Я терпела. Известие о Тени Императора у меня на дне рождения заставило задуматься и наблюдать. Время превратилось в тягучий кисель, все вроде шло, как и раньше, если забыть о последней безумной недели. Но этот кисель внутри меня сворачивался в тугой комок предчувствия. И я ждала, внешне стараясь жить обычной жизнью.

– Почту за честь, что после произошедшего вы решили настоять на моем обществе для своей дочери. Тренировочный костюм не подходил для реверансов, а оголенный клинок – для вежливых разговоров. Но граф Арас этим утром покидал княжескую крепость, оставляя свою дочь у нас, а точнее на моей шее.

Мужчина поморщился:

– Не обольщайтесь, ваше поведение – не эталон для юной леди. Но я верный вассал Севера и приказы князя исполняю, – накинув капюшон и не прощаясь, граф отошел к своим спутникам.

Я проводила его взглядом. Три недели говоришь, папа, спокойно провести. Ну-ну.

Барон мне ничего не сказал, уехал днем, оставив дочь. И лишь маркизе, которая якобы решила остаться сама, я хоть как-то обрадовалась.

Отец был элегантен, как всегда. Я была наказана за ту выходку с фрейлинами, рядом со мной постоянно неприятные мне девушки, и возможности приказать нет, я же теперь на равных с ними правах. Плюс к этому я под присмотром, самостоятельно не погуляешь. Но в то же время это был и некий шанс наладить отношения с юными аристократками.

А еще я заметила, что обитатели крепости притихли, ожидая моей мести Анисии.

А я пила чай со своими недофрейлинами и слушала их вздохи – как бы пригласить на наше чаепитие моего брата.

– Да как пригласить, – пожала плечами, отставляя чашечку в сторону. – Зайдите в библиотеку, он занимается обычно в первой половине дня. И скажите, что очень нуждаетесь в его обществе на прогулке по двору крепости, так как со мной ходить опасается.

– А если откажет? – дернув себя за кудряшку, уточнила графиня.

– А вы не один раз подойдите.

– Неприлично, – вздохнула баронесса.

– Всегда можно спихнуть на мое пагубное влияние, – подмигнула я.

Через 2 дня в саду

Смех еще никогда не был столь всепоглощающ и необуздан в моем исполнении, я хохотала так, что выступили слезы, начало колоть в боку и Дым смотрел обеспокоенно.

Вы бы видели эту потрясающую сцену.

– Княжичу нельзя находиться на улице! – уперев ручища в бока, ручки никак не могу сказать, мне кажется, даже наш мясник в тайне завидует мощному телосложению Кларнесы, сиделки моего брата, вернее гувернантки. М-м-м, я путаюсь, кем является эта колоссальная

женщина. Но сейчас она суровой скалой нависла над тремя девчушками и, собственно, самим княжичем.

– С чего это вдруг? Он что, болен? – не утрашилась графиня и, гордо вскинув свой курносый носик, бесстрашно шагнула вперед.

– Болен! – припечатала Кларнеса, пытаясь ухватить княжича за руку.

– Чем? – воскликнули все четверо, включая княжича, для которого эта новость была неожиданной.

Женщина на миг растерялась, и пока она пребывала в задумчивости, баронесса, держащая княжича с одной стороны, и маркиза с другой сделали пару шагов назад, графиня прикрывала их отход.

– У него здоровье слабое! – нашлась гувернантка и одним единым шагом сократила расстояние, хватая княжича за руку. Проблема была только в том, что баронесса эту руку тоже не хотела отпускать.

– Вот мы и гуляем на свежем воздухе, – пропыхтела она, держась в неравной борьбе.

– Княгиня велела! – почти проревела гувернантка, вырывая подопечного из девичьих рук.

Три растрёпанные злые девицы, лишившись своего кавалера, были настроены решительно. Выступив единым фронтом.

– Что велела княгиня?

– Да как вы смеете так обращаться с аристократками!

– На улице хорошая погода!

И вот последнее высказывание маркизы ввело в ступор всех, что позволило услышать приглушенный голос Кассия.

– Кларнес, передайте маменьке, что я желаю продолжить прогулку.

Шах и мат – читалось на лицах девушек. Женщина всей своей необъятностью развернулась к воспитаннику.

– Вам маменька велела, она денно и ночью печется о вашем здоровье. Как смеете вы ослушиваться?!

Лично на мой взгляд, у Кассия могли начаться проблемы со слухом как раз после таких воплей гувернантки. С другой стороны, теперь его психика чуть больше подготовлена к встрече с тварями.

– Я сказал передать моей маменьке, что я продолжаю прогулку!

Его голос звенел и немного срывался из-за волнения. Но я готова была аплодировать стоя. Лицо Кларнес нужно было видеть, будто танцующего орка с букетом цветов увидела. Кассий еще никогда не говорил нет своей маменьке. Мальчишка отряхнулся от снега и, независимо выпрямившись, избегая смотреть на гувернантку, предложил девушкам продолжить прогулку. Те победно сверкая глазами, обогнули монолит Кларнес, и ушли в парк. Разрумянившиеся, веселые и абсолютно здоровые. Я аккуратно спрыгнула с ветки, утирая глаза. Фух, чуть не лопнула, хорошо хоть следила с подветренной стороны, а то не смогла бы сдержать смех. Дым соскочил следом. Довольно улыбаясь, я поспешила на занятия.

А вечером Кассий пришел ко мне в гостиную пить чай.

– Я считаю, что практика двоеженства аморальна, – тонкая витая серебряная ложечка ни разу не коснулась бортов белой фарфоровой чашечки, графиня идеально соблюдала столовый этикет.

– Это вынужденная мера, – степенно ответил ей Кассий. – Подобная практика позволяет и выгодно для империи заключить брак даже с близкородственными представителями и родить наверняка здорового ребенка от второй жены.

– Но все же, вы только представьте, – баронесса кокетливо заправила локон за ушко, стрельнув глазками в княжича, – что чувствует девушка, становясь на всю жизнь второй!

Кассий равнодушно пожал плечами, юноша воспринимал разговор вполне серьезно, совершенно не понимая, что три девушки находятся на поле бое за его внимание.

– Взять хотя бы княжну, – всплеснув руками, вновь подхватила разговор графиня Арас. Я невозмутимо отпила чая, но чтобы хоть как-то участвовать в разговоре, изумленно вскинула брови.

– Представьте, какого будет ей, княжне Севера, второго по величине княжества в империи, стать навеки второй для своего мужа!

Кассий внимательно, оценивающе на меня посмотрел, что-то прикидывая, потом улыбнулся.

– Это будет прекрасно. Милая сестра, вам непременно стоит постараться стать женой императора. Вы только представьте, какие выгодные торговые связи мы сможем организовать без посредников. Достроим наконец прямой тракт на столицу. С тварями проще будет разобратся, если усилить наш гарнизон. Это же просто океан возможностей! – глаза княжича полыхали энтузиазмом, видимо, раньше о подобном он не задумывался.

Девушки же ждали от юноши явно другой реакции, но выгоду для себя в открывшейся перспективе смекнули быстро. Если я стану правящей принцессой. Титул императрицы будет только у первой жены. То Кассий наверняка станет князем, да еще и с моей поддержкой из столицы. А значит, они могут побороться за обруч княгини

Я тепло улыбнулась Кассию:

– Перспектива, конечно, хорошая, дорогой брат, но боюсь, конкуренция у меня будет большая. А будущий император вторую жену может и по любви выбирать, это даже в законе прописано.

Брат продолжал смотреть на меня задумчиво:

– Вы же смелая и не сдаетесь, сестра!

– Боюсь, в деле брака нужны иные качества, – хмыкнула баронесса Шанская. И я впервые была с ней согласна.

– Да и во время отбора нужно пытаться понравиться всем трем Теням Императора, ведь совершенно неясно, кто же из них наследник, – протянула маркиза, задумчиво вертя ложечку.

На этом месте беседа прервалась, дверь в мою гостиную открылась без стука. В помещение вплыла княгиня. Крайне злая, но тщательно сдерживающая свои эмоции княгиня.

– Кассий, вот ты где, а я повсюду тебя ищу, – Анисия проигнорировала присевших в реверансе аристократок и меня, вежливо склонившую голову. Несколько нервно взглянула на чашечку с чаем в руках сына, ее ноздри затрепетали, яд по запаху пытается определить, что ли?

– Я предупреждал Кларнес, что вечернее время проведу с девушками, – он смутился, столь явная забота матери подрывала его статус.

– Да, но ты не говорил, что пойдешь к сестре, – Анисия бросила на меня предупреждающий взгляд, ненавязчиво отбирая у сына чашечку. Я лишь радостно улыбнулась ей, максимально радостно. Женщина содрогнулась.

– Пойдем, Кассий, – более жестко сказала она.

– Но, мама! – вскинулся юноша.

– Дорогой, мне очень нужен твой совет. Прислали письмо со счетами, а я совершенно не могу разобраться. Ты же знаешь, я не дружна с цифрами, – проворковала она.

Я могла только подивиться, как тонко она манипулировала сыном. Все, что касалось цифр и счетов, было слабостью Кассия.

Юноша поднялся:

– Миледи, прошу меня извинить, но княгиня нуждается в моей помощи.

Девушки повторно присели в реверансе.

– Сестра, – кивнул он мне.

– Надеюсь скоро вас увидеть, брат, – улыбнулась я, поймав злой предупреждающий взгляд Анисии. Когда за ними закрылась дверь, улыбки сползли с лиц девушек. Они практически плюхнулись на свои места, а графиня поставила чашечку со звоном, резко, чуть не разбив.

Я довольно усмехнулась. Иногда можно давать людям самостоятельно делать выводы. Я не собиралась травить Кассия, но Анисия этого не знает, и она ждет, что я буду мстить. Жизнь налаживается.

Глава 10

К Тоби я пыталась заглянуть уже давно, но военный врач долго не приходил в себя, больше недели прошло с того происшествия со свечей, а лекарь был без сознания. И только на излете второй неделе мне наконец сообщили, что его можно проведать.

– Княжна, ваш приход вызывает во мне противоречивые чувства. С одной стороны начинает дергаться глаз, с другой сводит судорогой ногу, чешется под лопаткой и есть еще тик левой ноги как предвестник того, что безопаснее было бы убраться отсюда.

– Я рада, что ты поправляешься, – улыбнулась я и поставила у кровати Тоби запеканку с чаем. Мужчина подцепил кусок запеканки, с сомнением ее рассматривая.

– Я надеюсь, она без грибов? И других специфичных трав?

– Даже не надейся, два раза не повторяюсь, яды уже не в моде, – хмыкнула я, оглядывая комнату. – Неплохо ты тут устроился.

Тоби в ответ закатил глаза, чуть не подавившись чаем.

– Где вы только откопали этого нового лекаря. Он же типичный светский олух, представляете, он еще и спорит со мной, когда я говорю, как правильно меня лечить.

Я рассмеялась.

– Потаенный кошмар лекарей – лечить другого лекаря.

Тоби смешно передернул плечами, а потом взглянул более серьезно.

– Вы же, княжна, пришли не просто узнать о моем здоровье?

Я подошла к окну, там по-прежнему прочно окопалась сугробами зима.

– Не просто.

В ответ лекарь понимающе хмыкнул:

– Спрашивайте, княжна, но знайте тайная канцелярия уже беседовала.

Я развернулась к нему:

– Помнишь ли ты о чем говорил тогда? Про какой-то ретранслятор, будто он и есть мозг, про то, что мы не можем увидеть реальность из-за искажений.

Тоби отвел взгляд, убрал тарелку с едва тронутой едой.

– Белладонна, белена и дурман – сами по себе сильные травы. Они крошат сознание, вытягивая на поверхность страхи, мысли, желания, – он замолчал и молчал какое-то время, поджимая задумчиво губы, затем наклонился и достал из-под кровати альбом, в котором обычно художники делают зарисовки.

– Я не помню, княжна. Только зыбкая, пугающая своей безнадежностью эмоция засела в голове.

Он тяжело вздохнул, погладил бумагу кончиками пальцев и протянул мне.

– Возьмите, может быть, для вас в этом будет какой-то смысл. Я рисовал, еще находясь под воздействие вещества. Сейчас эти картинки меня гнетут.

Я забрала у него альбом, но открыть не рискнула, продолжая выжидательно смотреть на лекаря. Тоби нервно скомкал одеяло, руки у него подрагивали.

– Как лекарь могу сказать – нам повезло, боюсь представить, что намешано в этом алхимическом усилителе и что он может творить с простыми людьми.

Он перевел взгляд в окно, и я с сожалением отметила, как заострились черты его лица, как легли темные, почти синие круги под глаза, как нервно подергивалось правое веко. Он сделал привычный жест, поправляя очки, но нащупав пустоту, сконфуженно убрал руку.

– Я все же военный врач, моя психика закалена, но и я едва не потерялся в этой игре разума. Вы же, – косой взгляд в мою сторону, – вы не совсем обычная девушка.

Я подалась вперед, намереваясь спросить, но он предупредительно вскинул руку:

– Не спрашивайте в чем. Много факторов и больше тех, что неочевидны. На вас, видите, дурман не подействовал так остро.

Я фыркнула:

– Конечно, не подействовал, я всего-то разнесла тебе всю лабораторию и чуть не истекла кровью.

Тоби криво усмехнулся:

– Вам нужен куда больший катализатор, чтобы сдвинуть точку концентрации вашего сознания.

У меня по телу прошел озноб, на миг в его глазах мелькнул голубой отблеск, как в том бреду, когда там плескалась Пустошь.

– Я не понимаю тебя.

Лекарь кивнул:

– Это нормально, я сам себя не понимаю. Порою мне кажется, все в порядке, – он покачал головой, – но это не так.

Затем резко сменил тему.

– Я не показывал альбом никому. По-хорошему, нужно выбросить этот галлюциногенный бред. Но мне кажется, он может рассказать вам больше, чем кому-либо. Нет! – он вновь вскинул руки, будто защищаясь от меня. – Не задавайте этого вопроса. Я не знаю, почему именно вам. Я уже ничего не знаю, я потерял точку опоры в этой реальности, – и он тоскливо, почти обреченно оглядел комнату.

В груди сжалось и пульсировало болезненной точкой. Тоби не был здоров, как мне показалось вначале, прояснение происходило вспышками, и вновь уход в лабиринты сознания.

– Однажды выйдя за пределы возможного, сложно вернуться обратно. Идите, княжна, и не тревожьтесь, вам предстоит еще долгий путь. Я же уже зажег свою свечу. Воистину парадокс. То ли это свет во тьме всеобщего невежества и мне открыты новые дали. То ли это просто яд обманчивого света.

От Тоби я вышла с тяжелым сердцем. Наш новый лекарь понимающе покачал головой, увидев мое расстроенное лицо, но никак не прокомментировал, просто поменял повязку на раненой руке и отправил из лазарета.

Альбом открыла только вечером.

«ОНИ РАЗУМНЫ» – было выведено кривыми штрихованными линиями на первой странице.

Я вздрогнула, поплотнее укуталась в плед и перевернула лист.

Рваные штрихи покрывали все белое поле бумаги, они схематично изображали границу империи. Через половину листа шла жирная черная линия, видимо, изображающая границу Пустоши, на месте ее самой Тоби изобразил туман и очертания каких-то странных домов. «ЧТО ТАМ?» – надпись перекрывала весь рисунок Пустоши.

Сердце забило сильнее. Что такое Пустошь не принято говорить. Эта тема табу, это внушается детям с самого рождения. Пустошь – место, где разверзнута преисподняя, ад на земле. И только сила веры и Храмовники удерживают границу, чтобы твари не прорвались. А тех, кто проскальзывает, уничтожаем мы, точнее гарнизон отца.

Да и простой смертный не сможет пересечь границу, это известно всем.

Или сможет? Говорят же, что мой отец был по ту сторону. Я тряхнула головой.

– Бред, – произнесла вслух. Пустошь – это Пустошь, там нет ничего. А в моих руках альбом с галлюциногенными рисунками. Не стоит об этом забывать.

Но самовнушение помогло слабо, следующую страницу я переворачивала затаив дыхание. С левого края листа была вырисована все та же граница, отделяющая Пустошь от нашего мира. А вот дальше Тоби изобразил нечто напоминающее вулкан, но меньше, рядом с вулка-

ном ползли странные змеи, они сплетались в дикий клубок, переходили к непонятным строениям и от них ползли к таким же вулканам. А из главного поднимался клуб дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.